

Ноль ноль ноль

Автор:

Роберто Савьяно

Ноль ноль ноль

Роберто Савьяно

100%.doc

“Ноль ноль ноль” – маркировка самой чистой, тончайшего помола пшеничной муки. А на жаргоне наркоторговцев так обозначается кокаин самого высокого качества. Глобальной торговле кокаином – объединяющей бесправных крестьян мексиканской глубинки, боевиков наркокартелей, леваков-повстанцев в джунглях Колумбии и созданные для борьбы с ними военизированные отряды самообороны, семейства калабрийской ндрангеты и организованные преступные группировки из России и бывших советских республик, – а также связанному с нею резкому всплеску насилия и опутавшему весь мир механизму отмывания преступных доходов, в котором оказываются замешаны крупнейшие американские банки, и посвящено расследование итальянского писателя и журналиста Роберто Савьяно.

Роберто Савьяно

Ноль ноль ноль

Эту книгу я посвящаю всем карабинерам из моей охраны.

Тридцати восемью тысячам часов, проведенным вместе.

И тем, что еще придется провести.

Где бы то ни было.

Я не боюсь, что меня затопчут. Затоптанная трава становится тропой.

Блага Димитрова

Перевод с итальянского Яны Арьковой, Марины Козловой, Екатерины Степанцовой

© Roberto Saviano, 2013

All rights reserved

© Я. Арькова, М. Козлова, Е. Степанцова, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Кока № 1

Кокаин употребляет тот, кто сейчас сидит с тобой рядом в поезде, – он делает это, чтобы проснуться с утра. Или водитель автобуса, на котором ты едешь домой, – потому что хочет отработать сверхурочные, и чтобы при этом не сводило шею. На кокаине сидит твой самый близкий человек. Если это не твой отец, не мать и не брат, значит, это твой сын. Если не сын, то твой начальник. Или его секретарша, которая нюхает коку по субботам для развлечения. Если не

начальник, то его жена, которая делает это, чтобы расслабиться. Если не жена, значит, любовница: он дарит ей белый порошок вместо сережек, и это лучше любых бриллиантов. Если не они, значит, водитель грузовика, который привозит тонны кофе в бары твоего города и не смог бы выдержать столько часов в дороге без кокаина. Если не он, тогда медсестра, меняющая катетер твоему дедушке, – ей под кокаином все кажется легче, даже ночью. Не она, так маляр, перекрашивающий дом твоей девушки, – он начал из любопытства, а потом оказался в долгах. Нюхает кокаин тот, кто рядом с тобой. Это полицейский, который собирается тебя остановить; он зависим уже много лет, все об этом давно догадались и пишут анонимные письма старшим по званию, надеясь, что его отстранят раньше, чем он наделает глупостей. Не он, так хирург, который сейчас просыпается, чтобы сделать операцию твоей тете, и без коки он бы не смог резать по шесть человек в день; или адвокат, к которому ты идешь, чтобы получить развод. Судья, который вынесет решение по твоему гражданскому иску, – и не то чтобы он считал это пороком, скорее средством насладиться жизнью. Кассирша, продающая тебе лотерейный билет, который, как ты надеешься, изменит твою жизнь. Столяр, изготавливающий мебель, которая обошлась тебе в половину зарплаты. Если не он, то на кокаине сидит рабочий, пришедший собрать шкаф из “Икеи”, с которым ты сам бы не справился. Если не он, значит – председатель правления дома, который вот-вот позвонит тебе в домофон. Или электрик, тот самый, который сейчас пытается перенести розетку в твоей спальне. Или певец, которого ты слушаешь, чтобы отвлечься. Нюхает кокаин священник, к которому ты идешь с вопросом, можно ли тебе пройти конфирмацию, ведь ты должен крестить внука, а он удивляется, что ты еще не принял это таинство. И официанты, которые будут подавать тебе еду на свадьбе в следующую субботу, – если бы они не нюхали, у них бы не было сил столько часов проводить на ногах. А не они, так член городской управы, который только что вынес постановление о новых пешеходных зонах, – ему кокаин дают даром, в обмен на разного рода услуги. На порошке сидит работник парковки, которому становится весело, только когда он под кайфом. Его принимает архитектор, перестроивший твой летний домик, или почтальон, доставивший тебе конверт с новой банковской картой. А не он, так девушка из кол-центра, которая звонким голосом интересуется, чем может быть тебе полезна. Эти радостные нотки, одни и те же при ответе на каждый звонок, – эффект белого порошка. А если не она, так значит, аспирант, который сидит сейчас справа от профессора и готовится принять у тебя экзамен. От кокаина он делается нервным. Или физиотерапевт, который пытается вылечить твое колено, – этот от кокаина, наоборот, становится общительным. Его употребляет нападающий – тот самый, из-за чьего гола ты за несколько минут до конца матча проиграл спор, в котором уже считал себя победителем. Кокаин употребляет проститутка, к которой ты заходишь

перед тем, как поехать домой, чтобы выпустить пар, потому что больше не можешь терпеть. Она закидывается, чтобы не видеть, кто перед ней – или сзади нее, сверху, снизу. Нюхает кокаин мальчик по вызову, которого ты подарила себе на пятидесятилетие. Ты и он. Кокаин дает ему почувствовать себя самым мужественным на свете. Пытаясь похудеть, употребляет кокаин твой партнер по спаррингу, с которым ты тренируешься на ринге. А не он, так инструктор по верховой езде, занимающийся с твоей дочерью, или психолог, к которому ходит твоя жена. Сидит на кокаине лучший друг твоего мужа, тот, что годами ухаживает за тобой, но никогда тебе не нравился. Если не он, так значит, директор твоей школы. Или завхоз. Агент по недвижимости, опаздывающий именно тогда, когда ты смог освободиться, чтобы посмотреть квартиру. Охранник, прячущий лысину под остатками волос, когда все остальные уже избавились от них. А не он, так значит, нотариус, которого ты предпочел бы больше никогда не видеть, – он употребляет кокаин, чтобы не думать об алиментах, которые должен заплатить бывшим женам. А если не он, то таксист, матерящийся в пробке, но потом снова становящийся веселым. Или инженер, которого тебе приходится приглашать в гости, ведь он, возможно, сможет помочь тебе с продвижением по службе. Регулировщик, который выписывает тебе штраф и сильно потеет, когда говорит, даже если на дворе зима. Мойщик стекол с запавшими глазами, которому удастся купить коку, заняв денег; или парень, засовывающий под дворник машины по пять листовок за раз. Вечно нервный политик, обещавший тебе торговую лицензию, тот самый, которого ты отправил в парламент, проголосовав за него вместе со всей семьей. Профессор, выкинувший тебя с экзамена, стоило тебе только задуматься. Или онколог, к которому ты идешь на прием; говорят, он лучший, и ты надеешься, что он сможет тебя спасти, – под кокаином он чувствует себя всемогущим. Или же гинеколог, забывший выбросить сигарету перед тем, как войти в палату к твоей жене, у которой уже начались схватки. Твой вечно хмурый родственник или же вечно веселый парень твоей дочери. Если не они, значит, торговец рыбой, раскладывающий на виду свой товар, или работник заправки, проливающий бензин мимо бака. Он нюхает кокаин, чтобы чувствовать себя молодым, а сам даже заправочный пистолет не может вставить куда следует. Или же врач, с которым вы знакомы много лет и который принимает тебя без очереди, потому что ты знаешь, что подарить ему на Рождество. Употребляет коку твой консьерж, а если не он, то репетиторша, дающая уроки твоим детям, учитель по фортепиано, с которым занимается твой внук, костюмер театральной труппы, на спектакль которой ты пойдешь сегодня вечером, ветеринар, лечащий твоего кота. Мэр, к которому ты ходил ужинать. Проектировщик дома, в котором ты живешь; писатель, книгу которого ты читаешь перед сном; журналистка, которую ты увидишь по телевизору. Но если, подумав как следует, ты все же

утверждаешь, что никто из этих людей не может употреблять кокаин, ты либо слепой, либо врешь. Или все проще, и человек, который делает это, – ты сам.

Глава 1

Урок

– Они все сидели за столом, в Нью-Йорке, недалеко отсюда.

– Где? – инстинктивно спросил я.

Он посмотрел на меня так, будто хотел сказать: не думал, что ты станешь задавать настолько идиотские вопросы. То, что он собирался рассказать мне, было своего рода встречной услугой. Несколько лет назад полиция арестовала в Европе одного парня, мексиканца с американским паспортом. Его отправили в Нью-Йорк, потом оставили, что называется, “на водяной бане”, то есть с головой опустили в мир наркоторговцев, но так, чтобы он при этом не попал в тюрьму. Он то и дело сливал информацию, и в обмен на это его не арестовывали. Он был не то чтобы осведомителем, но кем-то вроде, не чувствуя себя в результате ни подлецом, ни одним из молчаливых участников круговой поруки. Полицейские не спрашивали у него ничего конкретного, что могло бы навлечь на него подозрение банды, только общее. Он был нужен затем, чтобы приносить настроения, разговоры, слухи о сходках или войнах. Не доказательства, не улики – только слухи. Улики они взялись бы искать во вторую очередь. Но теперь этого было мало. Парень записал на свой айфон речь одного из людей на сходке, в которой он участвовал. Полицейские забеспокоились. Некоторые из них – те, с кем я имел дело уже многие годы, – хотели, чтобы я написал об этом. Написал где-нибудь и поднял шум, чтобы посмотреть на их реакцию, понять, действительно ли история, которую я сейчас услышу, была правдой, или же это просто спектакль, пьеса, поставленная кем-то для того, чтобы взбаламутить чикано[1 - Жители латиноамериканского происхождения в США.] и итальянцев. Я должен был написать об этом, чтобы поднять волну в среде, где эти слова были сказаны и услышаны.

Полицейский ждал меня на небольшом пирсе в Баттери-Парк – без маскировочной шляпы и черных очков, никаких глупых переодеваний. Он

пришел в цветастой футболке и шлепанцах, с улыбкой на лице и видом человека, которому не терпится рассказать какой-нибудь секрет. По-итальянски он говорил с сильной примесью диалекта, но вполне сносно. Он не искал в моем лице приятеля, у него был приказ рассказать мне о том, что произошло, и он сделал это без особых раздумий. Я очень хорошо это помню. Его рассказ остался внутри меня. Со временем я убедился, что вещи, которые мы помним, хранятся у нас не только в голове, не в одном и том же участке мозга. Я убедился в том, что все остальные органы тоже имеют память – печень, яйца, ногти, ребра. Когда слышишь последние слова, они застревают там. И когда эти части тела запоминают что-либо, они передают записанное в мозг. Чаще всего я замечаю, что помню некоторые вещи желудком, который как бы накапливает все прекрасное и отвратительное. Я знаю, что эти воспоминания там. Знаю потому, что он шевелится. Иногда шевелится и живот. Это диафрагма создает волнение – тонкая пластинка, мембрана, пустившая корни в самом центре нашего тела. Оттуда происходит все. Диафрагма заставляет нас задыхаться и вздрагивать, но также мочиться, испражняться и блевать. Оттуда идут толчки при родах. А еще я уверен, что есть части тела, которые собирают все самое худшее: там хранятся отходы. Не знаю, где внутри меня этот отсек, но он точно переполнен. Сейчас он набит настолько, что туда больше ничего не влезет. Место для моих воспоминаний, точнее для отходов, кончилось. Казалось бы, это хорошая новость – нет больше места для боли. Как бы не так. Если мусору некуда деваться, он начинает лезть туда, куда не следует, в места, где хранятся всякие воспоминания. Рассказ полицейского до краев переполнил ту часть меня, что помнит все худшее. Все то, что всплывает на поверхность, когда думаешь, что жизнь налаживается, когда встречаешь светлое утро, когда возвращаешься домой, когда думаешь, что оно того стоило. В такие минуты откуда-то, как испарения или клокочущий поток, поднимаются мрачные воспоминания. Как засыпанный землей и покрытый пластмассой мусор на свалке все равно находит способ вылезти и отравить все вокруг. Именно в этой части тела я храню память о его словах. Нет смысла искать ее точное положение, ведь даже найди я его, бесполезно бить это место кулаками, тыкать в него ножом, пытаться выдавить из него слова, как гной из мочевого пузыря. Все там. Все должно остаться там. Точка.

Полицейский рассказал мне, что парень, его информатор, получил единственный урок, который стоило услышать. Не с тем, чтобы настучать, а чтобы потом переслушать самому. Урок о том, как жить в этом мире. Парень дал полицейскому послушать эту запись от начала до конца – вставив один наушник ему в ухо, другой оставив себе, с сердцем, готовым вырваться из груди, он нажал на воспроизведение.

– Когда ты об этом напишешь, мы увидим, не разозлится ли кое-кто... Это будет значить, что эта история – правда и теперь у нас есть подтверждение. А если ты напишешь и никто ничего не сделает, значит, либо это ерунда и какой-нибудь второсортный актеришка и наш чикано нас провели, либо... либо никто не верит в ту хрень, которую ты пишешь, и в этом случае нас надули.

Он засмеялся. Я кивнул. Я ничего не обещал, я пытался понять. Должно быть, этот воображаемый урок устроил какой-нибудь старый итальянский босс перед группой чикано, итальянцев, италоамериканцев, албанцев, бывших каибилей – гватемальских легионеров[2 - Элитное армейское подразделение, созданное для борьбы с повстанцами во время гражданской войны в Гватемале.]. По крайней мере, так говорил парень. Никакой информации, цифр, деталей. Ничего такого, что приходится заучивать насильно. Заходишь в комнату одним, выходишь другим. У тебя такая же одежда, стрижка, борода той же длины. На тебе нет следов муштры, нет порезов на бровях, нос не сломан, тебе не промыли мозг какими-то нравоучениями. Выходишь – и на первый взгляд ты точно такой же, каким тебя затолкнули в комнату. Но только внешне. Внутри все иначе. Тебе не открыли всю правду, а просто расставили по местам некоторые вещи. Те, которые до этого самого момента ты не знал, как использовать, которые у тебя не хватило смелости узнать, разложить по полочкам, рассмотреть повнимательней.

Полицейский читал мне из блокнота записанную на слух речь босса. Они собрались в комнате недалеко отсюда. Сели в случайном порядке, не подковой, как это обычно бывает во время церемонии принятия в клан. Так же, как сидят в клубах по интересам где-нибудь на юге Италии, в провинции, или же в ресторанах на Артур-авеню[3 - Одна из улиц в “Маленькой Италии” в Бронксе, Нью-Йорк.], чтобы посмотреть футбол. Но в той комнате не смотрели футбол, не встречались с друзьями, там были только члены преступных группировок разного ранга. Из-за стола встал какой-то старый итальянец. Все знали, что это уважаемый человек, приехавший в Штаты после долгого пребывания в Канаде. Он начал говорить, не представившись, но это было не нужно. Он говорил на каком-то недоязыке: на итальянском, смешанном с английским и испанским, иногда переходя на диалект. Я хотел узнать, как его зовут, и попробовал спросить об этом полицейского, делая вид, что мне просто вдруг стало интересно. Тот даже не собирался мне отвечать. Я услышал только слова босса.

“Мир тех, кто верит в правосудие, в законы, одинаковые для всех, в старание, в чувство собственного достоинства, в чистые улицы, в то, что женщины могут

быть ровней мужчинам, – это мир долбанных педиков, которые считают, что могут обмануть самих себя. И тех, кто вокруг. Оставим все эти сказочки про лучший мир дуракам. Богатым дуракам, которые покупают себе эту роскошь. Роскошь верить в мир счастья и справедливости. Богачам с чувством вины или тем, кому есть что скрывать. Who rules just does it, and that's it. Кто правит, просто правит, – вот и все. Он может говорить, что действует в интересах добра, справедливости, свободы. Но это все бабские разговоры, оставим их богачам и кретинам. Кто управляет, тот управляет. Вот и все”.

Я пытался разузнать, во что он был одет, сколько ему было лет. То были вопросы легавого, хроникера, любопытного, одержимого, который с помощью этих деталей надеется определить, что это за тип, что за главарь, раз уж он произносит такие речи. Мой собеседник не обращал на меня внимания и продолжал. Я слушал его и мысленно просеивал слова, как песок, чтобы найти крупницу золота – имя. Я слушал его слова, но искал другое – улики.

– Он хотел объяснить ему правила, понимаешь? – сказал мне полицейский. – Чтобы они попали ему прямо внутрь. Я уверен, что он не врет. Клянусь, он не пустобрех, этот мексиканец. Я голову дам на отсечение, даже если мне никто не верит.

Он снова уткнулся в блокнот и продолжил читать.

“Правила организации – это правила жизни. Законы государства – это правила для тех, кто хочет поиметь остальных. А мы никому не дадим себя поиметь. Те, кто делает деньги без риска, всегда будут бояться тех, кто делает деньги, рискуя всем. If you risk all, you have all[4 - “Рискнешь всем – получишь все” (англ.)], ясно? А если ты думаешь, что можешь спастись или вывернуться, не попав в тюрьму, не подавшись в бега, не прячась, лучше сразу сказать все как есть: ты не мужчина. А если вы не мужчины, сейчас же выйдите из этой комнаты и даже не надейтесь на то, чтобы стать ими. Вы никогда не станете настоящими мужчинами, уважаемыми людьми”.

Полицейский смотрел на меня. Глаза его были сощурены так, будто он пытался сфокусироваться на том, что уже отлично знал. Он прочитал и прослушал эти показания уже несколько десятков раз.

“Ты веришь в любовь? Любовь заканчивается. Веришь в свое сердце? Сердце останавливается. Нет? Ни в любовь, ни в сердце? Тогда, может быть, ты веришь в баб? Но ведь любая дырка когда-нибудь да высохнет. Веришь в свою жену? Как только у тебя закончатся деньги, она скажет, что ты уделяешь ей мало внимания. Веришь в детей? Как только ты перестанешь давать им на расходы, они скажут, что ты их не любишь. Веришь в собственную мать? Если ты не будешь ей вместо сиделки, она скажет, что ты неблагодарный сын. Слушай, что я тебе скажу: ты должен жить. Жить надо для себя. И для себя самих надо заслужить уважение – и уважать других. Семью. Уважать тех, кто вам нужен, и ни в грош не ставить тех, кто не нужен. Уважение завоевывает тот, кто может вам что-то дать, а теряет его тот, кто бесполезен. Быть может, вас не уважают те, кто чего-то от вас хочет? Те, кто боится вас? А когда вы ничего не можете дать? Когда вы больше ни для чего не годитесь? К вам относятся как к отбросам. Когда с вас нечего взять, вы и есть ничто”.

– Здесь я понял, – сказал мне полицейский, – что босс, этот итальянец, важная шишка, он в жизни много чего повидал. На самом деле много. Мексиканец не мог сам записать эту речь. Он ходил в школу до шестнадцати лет, и в Барселоне его отловили в каком-то игорном доме. А этот калабрийский диалект – как мог актер или какой-нибудь выскочка его спародировать? Если бы не бабушка моей жены, даже я бы не понял, что он говорит.

Я десятки раз слышал речи о нравственной мафиозной философии в показаниях раскаявшихся преступников и перехваченных разговорах. Но в этой было что-то необычное. Она подавалась как способ воспитания, выправки духа. Это была мафиозная критика практического разума.

“Я говорю с вами, и кто-то из вас мне даже нравится. А кому-нибудь другому я бы дал в морду. Я прикончил бы даже того из вас, кто нравится мне больше всех, если у него больше денег или баб. Если один из вас станет мне братом и я сделаю его равным себе, ясно, чем это кончится: он попытается поиметь меня. Don't think a friend will he forever a friend[5 - “Не думай, что друг всегда останется другом” (англ.).]. Меня убьет тот, с кем я делил еду, сон, все. Меня убьет тот, кто приютил меня, кто обогрел. Я не знаю, кто это, иначе я бы его уже убрал. Но это случится. Если он не убьет меня, то предаст. Правило есть правило. А правила – это не законы. Законы – для трусов. Правила – для людей. Поэтому у нас есть правила чести. Они не заставляют тебя быть правильным, справедливым или хорошим. Они объясняют, как управлять. Что ты должен делать, чтобы управлять людьми, деньгами, властью. Эти правила помогают тебе понять, что

делать, если ты хочешь командовать, если хочешь поймать того, кто стоит сверху, и не дать тому, кто снизу, поймать тебя. Объяснять правила чести не нужно. Они есть – и все. Они написались сами, и у каждого человека чести они в крови. Как ты можешь решить?..”

Это он меня спросил? Я искал наиболее правильный ответ. Но осмотрительно подождал, прежде чем заговорить, подумав, что полицейский все еще передавал слова босса.

“Как ты можешь решить за несколько секунд, за несколько минут, несколько часов, что тебе делать? Если ошибешься, годами будешь расплачиваться за неверный выбор. Правила есть, они есть всегда, ты просто должен выучить их и понять, как они действуют. А еще есть божьи законы. Божьи законы – в правилах. Я говорю об истинных божьих законах – а не о тех, которыми пользуются, чтобы запугать простых смертных. Но запомните вот что: даже со всеми, какими хотите, правилами чести вы точно знаете только одно. Вы – люди, если в глубине души знаете, какова ваша судьба. Простые смертные пресмыкаются для собственного удобства. Люди чести знают, что все смертно, что все проходит, что ничего не остается. Журналисты начинают с того, что хотят изменить мир, а заканчивают тем, что хотят стать главными редакторами. На них куда проще повлиять, чем подкупить. Каждый стоит чего-то только для самого себя и для Почтенного общества[6 - L’Onorata Societ? (ит.) – один из терминов, которыми называют мафию ее члены.]. А оно говорит, что ты чего-то стоишь, только если командуешь. Кроме того, ты можешь выбирать методы воздействия. Можешь жестко контролировать или покупать согласие. Можешь управлять, проливая чужую кровь или свою. Почтенное общество знает, что каждый человек слаб, избалован и тщеславен. Ему известно, что люди не меняются, поэтому правило – это все. Связи, основанные на одной только дружбе, без правил не стоят ничего. Для всех проблем – от ушедшей от тебя жены до развала твоей команды – решение одно. И это решение зависит лишь от того, сколько ты предлагаешь. Если вам что-то не подходит, значит, вы мало предложили, не ищите других причин”.

Все это казалось каким-то семинаром для начинающих боссов. Как такое возможно?

“Дело в том, чтобы понять, кем ты хочешь быть. Если ты грабишь, стреляешь, насилуешь, торгуешь наркотиками, ты какое-то время будешь зарабатывать, а потом тебя поймают и сотрут в порошок. Ты можешь это делать. Да, можешь. Но

недолго, ты ведь не знаешь, что с тобой случится. А люди будут бояться тебя, только если ты засунешь им пистолет в пасть. Но как только ты повернешься спиной? Как только ограбление не удастся? Если ты часть организации, ты знаешь, что для всего есть правила. Если хочешь заработать – есть способы, как это сделать. Хочешь убивать – есть причины и методы. Если хочешь чего-то добиться, можно и так, но ты должен добиться уважения, доверия и стать незаменимым. Правила есть и на тот случай, если ты хочешь их изменить. Все, что ты делаешь в нарушение правил, может закончиться как угодно. А все, что ты делаешь по правилам чести, приводит тебя к результату, который тебе совершенно точно известен. И тебе совершенно точно известна реакция всех, кто тебя окружает. Если вы хотите быть как все – пожалуйста. Если вы хотите стать уважаемыми людьми, у вас должны быть правила. Разница между обычным и уважаемым человеком в том, что уважаемый человек всегда знает, что произойдет. А обычного человека может оставить в дураках случай, невезение или собственная глупость. С ним всякое случается. А уважаемый человек знает, что произойдет и когда. Ты точно знаешь, что тебе принадлежит, а что нет, и ты будешь знать это до того предела, до которого можешь пропихнуться, даже если захочешь выйти за рамки правил. Все хотят иметь три вещи: власть, баб, деньги. Даже судья, когда приговаривает плохих парней. Даже политики – они тоже хотят денег, баб и власти, но чтобы получить их, они корчат из себя незаменимых, защитников порядка, бедных или черт знает чего еще. Все хотят денег, money, и при этом говорят, что хотят чего-то другого или же что делают что-либо ради других. Правила Почтенного общества – это правила, созданные для того, чтобы управлять всеми. Оно знает, что ты хочешь власти, баб и денег, но знает и то, что человек, готовый отказать-с я от всего, в итоге располагает жизнями всех. Кокаин. Вот что такое кокаин: all you can see, you can have it[7 - “Все, что ты видишь, может стать твоим” (англ.)]. Без кокаина ты никто. С ним ты можешь стать кем хочешь. Если ты нюхаешь кокаин, то имеешь сам себя. Без организации ты никто. Она дает тебе правила, чтобы куда-то пробиться в этом мире. Она дает тебе правила, чтобы убивать, правила, из которых ты узнаешь о том, как тебя убьют. Хочешь вести нормальную жизнь? Хочешь ничего не стоить? Пожалуйста. Достаточно не видеть, не слышать. Но запомни одно: в Мексике, где ты можешь делать что хочешь, ширяться, трахать девочек, садиться в машину и гнать так быстро, как тебе вздумается, главный на самом деле только тот, у кого есть правила. Если вы делаете глупости, у вас нет чести, а если у вас нет чести, то нет и власти. Вы такие же, как и все”.

Полицейский начал тыкать пальцем в совсем исчирканную страницу блокнота:

– Видишь, видишь, вот здесь... Он хотел объяснить прямо-таки все. Как жить, а не как стать мафиозо. Как жить.

“Работай, и работай много. You have some money[8 - “У тебя есть немного денег” (англ.)], немного денег. Возможно, у тебя будут и красивые женщины. Но женщина бросит тебя ради того, кто красивее и у кого больше денег, чем у тебя. Может, ты проживешь достойную жизнь, но это вряд ли. А может, дерьмовую, как и все. Когда ты окажешься в тюрьме, те, кто на свободе, кто считает себя невинными, будут тебя оскорблять, но ты, возможно, будешь править. Тебя будут ненавидеть, но ты обеспечишь себе состояние и все, что хочешь. На твоей стороне будет организация. Может случиться и так, что ты немного помучаешься, а потом тебя убьют. Ясное дело, организация всегда с теми, кто сильнее. Вы можете взобраться на самый верх, живя по правилам плоти, крови и денег. Если будете слабаками, если ошибетесь, вас поимеют. Если справитесь как надо, вам за это воздастся. Если свяжетесь не с теми, вас поимеют. Если будете воевать не с теми, вас поимеют. Если не сможете удержать власть, вас поимеют. Такие войны в рамках дозволенного, are allowed. Это наши войны. Вы можете выиграть или проиграть. И только в одном случае вы будете проигрывать всегда и больше всего. Если вы предатели. У тех, кто идет против организации, нет шансов выжить. От закона можно убежать, от организации – нет. Убежать можно даже от Бога, ведь появления блудного сына Бог всегда ждет. Но от нее не убежать. Если ты предал и бежишь, если тебя надули и ты бежишь, если не следуешь правилам и бежишь, кто-нибудь за тебя ответит. They will look for you. They will come to your family, to your allies[9 - “Тебя будут искать. Они придут за твоей семьей, к твоим союзникам” (англ.)]. Ты навсегда в списке. И ничто уже не сотрет твое имя. Nor time, nor money. Ни время, ни деньги. Ты проклят навечно, ты и все твое потомство”.

Полицейский закрыл блокнот.

– Парень вышел, как с сеанса гипноза, – сказал он. Он помнил последние слова мексиканца наизусть: “А я предаю? Сейчас, когда передаю тебе эти слова?”

– Напиши об этом, – добавил полицейский. – Мы за ним приглядываем. Я посажу ему на хвост троих своих людей, на двадцать четыре часа в сутки. Если кто-нибудь попыбует добраться до него, станет ясно, что он не наговорил ерунды, что все это не клоунада и что тот человек – настоящий босс.

Его рассказ меня поразил. В моих краях всегда делали так. Но было странно слышать те же самые слова здесь, в Нью-Йорке. В моих краях тыходишь в систему не только ради денег, ты делаешь это, чтобы стать частью организации, чтобы действовать как на шахматной доске. Чтобы точно знать, какую пешку подвинуть и когда. Чтобы понять, когда тебе грозит шах. Или когда ты слон и вы с твоим конем обдурили короля.

– Мне кажется, это рискованно.

– Сделай, как я сказал, – настоял полицейский.

– Не уверен, – ответил я.

Я безостановочно вертелся в кровати. Я не мог уснуть. На меня произвел впечатление не сам рассказ. Поражала вся эта цепь событий. Со мной связались затем, чтобы я написал рассказ о рассказанном рассказе. Источник, то есть старый босс-итальянец, как мне казалось, заслуживал доверия. Отчасти потому, что, когда ты далеко от родной страны и кто-то говорит на твоём языке – я имею в виду, именно на твоём, с теми же шифрами, оборотами, особенными словами, – ты сразу же узнаешь в нём своего человека, того, к кому можно прислушаться. А также потому, что речь была произнесена в нужный момент, перед людьми, которые должны были услышать её. Окажись эти слова правдой, они бы значили худшее из возможного. Что старые итальянские боссы, последние кальвинисты Запада, занялись подготовкой нового поколения мексиканцев и латиноамериканцев – криминальной буржуазии, вышедшей из наркоторговли, солдат нового призыва, самых жестоких и алчных. Субстанции, готовой контролировать рынки, устанавливать законы в мире финансов, управлять инвестициями. Тех, кто выжимает деньги и сколачивает состояние.

Меня охватывало беспокойство, с которым я не мог справиться. Кровать была как доска, а комната казалась норой. Я хотел уже схватить телефон и позвонить полицейскому, но было два часа ночи, и я побоялся, что он примет меня за сумасшедшего. Я подошел к письменному столу и открыл новое электронное письмо. Я мог бы написать об этом, но мне нужно было понять больше, я хотел послушать саму запись. Слова той речи были образцом поведения не только для мафиозо, но и для любого, кто желает править в этом мире. Такие слова никто не стал бы произносить так ясно, если бы не собирался воспитать людей. Когда ты говоришь о солдате на людях, ты говоришь, что он хочет мира и ненавидит войну, а когда ты один на один с солдатом, ты учишь его стрелять. Цель этих

слов – перенести традицию итальянских группировок на группировки латиноамериканские. Мексиканец ничего не приукрасил. Мне пришло смс. Парень-информатор врезался в дерево на машине. Никакой мести. Просто шикарная итальянская машина, и он не справился с управлением. В дерево. И все.

Глава 2

Большой взрыв

Дон Артуро – глубокий старик, который помнит все. Он разговаривает с каждым, кто готов его слушать. Его внуки – слишком взрослые, он уже стал прадедушкой, и малышам он предпочитает рассказывать другие истории. Артуро рассказывает, что однажды к ним приехал генерал на лошади, которая всем казалась огромной, но на самом деле была просто здорова: в тех краях лошади были худые, с артритными ногами. Он спешил и приказал всем гомерос – так называли крестьян, выращивавших опийный мак, – убирать урожай. Приказ в обязательном порядке – выжечь земли. Вот так и приходит государство, всегда с приказами. Они должны были подчиниться или сесть в тюрьму. На десять лет. Тюрьма, тут же подумали крестьяне. Снова выращивать хлеб было хуже, чем оказаться за решеткой. Но все это время – десять лет тюрьмы – их дети не смогли бы сеять мак, землю бы конфисковали, или она бы в лучшем случае высохла. Гомерос опустили глаза, ничего не ответив. Все их земли и плантации мака собирались сжечь. Приехали солдаты и облили соляжкой землю, цветы, вьючные тропы и дорожки, которые вели от одной латифундии к другой. Артуро рассказывал, как земля, красная от маков, покрылась черными пятнами, темной густой мазью. Ее лили из ведер, и воздух наполнила жуткая вонь. В те времена вся работа делалась руками, еще не было больших насосов, перекачивающих яды. Жижка из ведер и вонь. Но старый Артуро вовсе не поэтому помнит все. Он помнит, потому что именно там он узнал, как распознать храбрость и что трусость отдает человеческим мясом. Поля медленно охватило пламя. Без вспышек, полосу за полосой огонь пожирал все. Загорелись тысячи цветов, стеблей, корней. Все крестьяне смотрели, смотрели и жандармы, и мэр, и дети, и женщины. Печальное зрелище. Вдруг они увидели, как невдалеке из горящих кустов начали появляться какие-то кричащие шары. Они были похожи на живые огни, которые подскакивали и потом задыхались. Но это не языки пламени вдруг обрели душу и возможность двигаться. То были животные, которые уснули,

спрятавшись в траве, и не услышали грохота ведер, не учуяли незнакомый запах солярки. Горящие кролики, бродячие собаки, даже маленький мул. Все они загорелись. Ничего нельзя было поделаться. Солярку, сжигающую мясо, не потушить никакой водой, и земля вокруг тоже горела. Животные кричали и выпускали дух у всех на глазах. Это была не единственная драма. Загорались и пьяные гомерос, задремавшие, пока лили солярку. Они лили солярку и пили пиво. А потом заснули среди маков. Огонь добрался и до них. Они кричали намного меньше, чем животные, и шатались – так, будто алкоголь в крови поддерживал огонь изнутри. Никто не пытался их потушить, никто не бросился к ним с одеялом. Пламя было слишком сильным.

Именно там дон Артуро начал учиться. Он помнит собаку – кожа да кости, – которая бежит к огню. Она залезает в эти адские кусты, выбегает из них и вытаскивает наружу двух, трех, потом шестерых щенят, одного из них катает по земле, чтобы потушить. Обгоревшие, но живые, щенята кашляли дымом и пеплом. Покалеченные, но живые. На своих маленьких лапках они шагали за собакой, которая прошла перед людьми, глазевшими на пожар. Казалось, она рассматривала всех. Ее взгляд останавливался на гомерос, на солдатах, на всех этих жалких человеческих существах, всех, кто стоял там как вкопанный. Трусость животные умеют чувствовать. Страх животные уважают. Страх – самый естественный инстинкт, достойный уважения. Трусость – это выбор, страх – состояние. Той собаке было страшно, но она прыгнула в огонь, чтобы спасти щенят. Ни один человек не спас другого человека. Их всех оставили гореть. Так рассказывал старик. Чтобы понять, не нужно быть взрослым. С ним это случилось сразу же, в восемь лет. И он до девяноста лет сохранил эту правду: животные достаточно храбрые и знают, что такое защищать жизнь. Люди кичатся своей храбростью, но умеют только подчиняться, пресмыкаться, стрелять и кое-как выживать.

Двадцать лет на месте цветов мака был только пепел. Потом, вспоминает Артуро, приехал генерал. Еще раз. В любом уголке земли, где есть большие владения, всегда появится кто-нибудь от имени власть имущих: в форме, в сапогах, на лошади – или на внедорожнике, зависит от эпохи, в которую все происходит. Генерал приказал гомерос вернуться к своим занятиям, вот что помнит Артуро. Хватит выращивать хлеб, снова мак. Снова наркотики. Соединенные Штаты готовились к войне, и больше, чем пушки, чем пули, больше, чем танки, больше, чем самолеты и авианосцы, больше, чем форма и сапоги, больше всего им нужен был морфий. Без морфия нет войны. Тот, кто читает меня, если ему когда-нибудь было плохо, очень плохо, знает, что такое морфий: избавление от боли. Без морфия нет войны, потому что война – это боль

от сломанных костей и разодранного мяса даже в большей мере, чем боль души, возмущенной насилием. От возмущения помогают договоры, и демонстрации, и свечи, и пикеты. От горящей плоти помогает только одно: морфий. Читающий, возможно, относится к той части мира, которая еще живет спокойно. Ему известны больничные крики – рожениц, орущих детей и других пациентов. Но он никогда не слышал, как кричит человек с костями, переломанными прикладом автомата, раненный пулей или осколком от взрыва, которым ему оторвало руку или снесло пол-лица. Это единственные крики, которые не стереть из памяти. Звуковая память слабая. Она привязывается к действиям, к контексту. Но крики войны не забываются. С этими криками просыпаются ветераны и репортеры, врачи и профессиональные военные. Если ты слышал крики умирающего или раненого в бою, бесполезно тратить деньги на психоаналитиков или искать утешения. Это крики, которых ты не забудешь никогда. Эти крики может унять, смягчить, сгладить только химия. Слыша эти крики, цепенеют все сослуживцы раненого. Нет ничего более антимилитаристского, чем крик раненого на войне. Только морфий может прекратить эти крики и придать всем остальным уверенность в том, что они справятся, победят и выйдут из боя невредимыми. И вот Соединенные Штаты, которым был нужен морфий для войны, попросили Мексику увеличить производство опиума и даже проложили железнодорожные пути, чтобы облегчить его транспортировку. Сколько его было нужно? Много. Как можно больше. Старый Артуро повзрослел. Ему было почти тридцать лет, и он уже имел четверых детей. Он не хотел снова поджигать земли, на которых работал, как это сделал его отец. Он знал, что это произойдет, что его попросят, что рано или поздно ему прикажут это сделать. И когда генерал уехал, Артуро догнал его по деревенской дороге. Он остановил караван и предложил сделку: пусть большая часть его опиума пойдет государству, которое продаст его армии Соединенных Штатов, а остальное отправится контрабандой к янки, которые хотят вволю насладиться опиумом и морфием. Генерал согласился, в обмен на серьезный процент и с одним условием: “Через границу опиум возить будешь сам”.

Артуро – древний, как сфинкс. Никто из его детей не торгует наркотиками. Никто из его внуков не торгует наркотиками. Никто из его жен не торгует наркотиками. Однако наркоторговцы его уважают, ведь он самый старый контрабандист опиума в тех краях. Из гомеро Артуро превратился в посредника. Он не только сам возделывал поля, но и посредничал между производителями и перевозчиками. Так дела шли до восьмидесятых годов, и это было только начало, потому что тогда большей частью поставок героина в Америку заправляли мексиканцы. Артуро получил власть и состояние. Но кое-что заставило его прервать деятельность посредника. Это была история Кики. После

нее Артуро решил снова выращивать пшеницу, оставив контрабанду опиума и людей, торговавших героином и морфием. Старая история, про Кики. Многолетней давности. История, которую он так и не забыл. И когда его дети сказали, что хотят возить кокаин, как он сам когда-то возил опиум, он понял, что пришло время рассказать им историю Кики, историю, которую если не слышал, то стоит услышать. Он привез их за город и показал им яму, теперь уже заполненную цветами, почти всегда засохшими. Но все же глубокую. И начал рассказывать. Я читал эту историю, но никогда не понимал, как много она решила, пока не познакомился с Синалоа[10 - Штат на севере Мексики, оплот одного из самых могущественных наркокартелей мира.], тонкой полоской земли, раем, где отпускаются грехи, достойные худших глубин ада.

История Кики связана с человеком по имени Мигель Анхель Феликс Гальярдо, известным как Крестный Отец. Феликс Гальярдо работал в Федеральной уголовной полиции Мексики. В течение многих лет он арестовывал и преследовал контрабандистов, изучал их методы, раскрывал их каналы. Он все знал. Он охотился на них. Однажды он направился к главарям контрабандистских группировок и предложил им объединиться, но с одним лишь условием. Сделать его главным. Те, кто согласился, стали частью клана, ну а кто хотел действовать в одиночку, мог свободно продолжать делать это. И был впоследствии убит. Артуро тоже решил присоединиться к клану. Для Гальярдо кончился срок службы и началось время перевозок марихуаны и опиума. Он стал лично разрабатывать каналы доступа в Соединенные Штаты. Пядь за пядью – где взять хитростью, а где пустить в дело лошадей и грузовики. В то время в Мексике еще не было картелей. Их основал Феликс Гальярдо. Картели. Так их называют все, даже дети, которые и не знают толком, что значит это слово. Но в большинстве случаев оно подходит как нельзя лучше. Группы людей, управляющих кокаином, ценами на него, его распространением и капиталами, заработанными на этом. Картель – это по сути экономический термин, обозначающий производителей, которые объединяются и вместе устанавливают цены, решают, сколько производить, как, когда и где это распространять. Это работает и для обычной, и для теневой экономики. Цены в Мексике устанавливали несколько людей из наркокартелей. Крестный Отец считался мексиканским кокаиновым царем. Под его началом работали Рафаэль Каро Кинтеро и Эрнесто Фонсека Каррильо по прозвищу Дон Нето. В Колумбии между соперничающими картелями Кали и Медельина тогда полным ходом шла война за контроль над торговлей кокаином и маршрутами его перевозки. Короче, мясорубка. Но у Паблито Эскобара, главы Медельинского картеля, появилась проблема за пределами Колумбии: полиция Соединенных Штатов, которую ему

не удавалось подкупить, изымала слишком много грузов на побережье Флориды и на Карибских островах, а он-то сливал туда товар килограммами. Аэропорты становились чем-то вроде таможен, за которые надо было слишком много платить, и он терял на этом огромные деньги. Поэтому он решил попросить помощи у Гальярдо. Они сразу же нашли общий язык, Паблито Эскобар, он же Маг, и Феликс Гальярдо, Крестный Отец. Ударили по рукам. Теперь мексиканцы будут возить кокаин в Штаты: Гальярдо знал границы, и для него каналы были открыты. Ему были известны пути транспортировки марихуаны: раньше по ним возили опиум, а теперь пришло время кокаина. Крестный Отец доверял Эскобару, так как знал, что тот никого не настроит против него, ведь у колумбийского босса не хватило бы сил посадить в Мексике своего человека. Гальярдо не обещал ему исключительных прав. Он отдал бы предпочтение Медельинскому картелю, однако если Кали или другие картели помельче попросили бы его заняться перевозкой их грузов, он бы точно согласился. Заработать на всех, не будучи никому врагом, – непростая задача, но пока этот канал был нужен многим, можно было выкачивать деньги из всех. Все больше и больше денег.

Колумбийцы обычно платили за каждый груз наличными. Медельинцы платили, и мексиканцы возили товар в Штаты в обмен на песо. Потом – на доллары. Но спустя некоторое время Крестный Отец почувал, что деньги могут обесцениться и куда удобнее было бы иметь дело с кокаином; распространять его напрямую на североамериканском рынке значило сделать ход конем. Когда колумбийский картель стал поставлять больше грузов, он потребовал платить товаром. Эскобар согласился, ему это даже показалось удобным. Да и как бы там ни было, отказаться он не мог. Если груз было легко перевезти и спрятать в поезде или грузовике, тридцать пять процентов кокаина уходило мексиканцам. Если все было сложнее и приходилось пользоваться подземными туннелями, они получали пятьдесят процентов груза. Эти непроходимые тропы, эти границы, эти три тысячи километров Мексики, намертво пришитые к Штатам, стали главной статьей дохода Крестного Отца. Мексиканцы стали не просто перевозчиками, но и распространителями. Теперь они доставляли кокаин боссам, главам районов, дилерам и американским группировкам. Теперь дела вели не только колумбийцы. Теперь и мексиканцы могли претендовать на свой кусок пирога. И на что-то большее. Бесконечно большее. Так бывает и с большими фирмами: дистрибьютор часто становится самым главным конкурентом производителя, и доходы дочернего предприятия превышают прибыль головной компании.

Но Крестный Отец хитер, он понимает, что не нужно высовываться. Особенно сейчас, когда внимание общественности приковано к Магу Эскобару и к Колумбии. Поэтому он пытается быть скромным. Вести обычную жизнь. Жизнь управляющего, а не императора. Он внимательно следит за поставками, потому что знает, что все должно идти как по маслу. Что платить нужно на каждом блокпосте. Каждому офицеру, ответственному за определенный район. Каждому мэру каждой деревни, через которую приходится проезжать. Крестный Отец знает, что нужно платить. Платить, чтобы твое везение воспринималось как всеобщее. Платить раньше, чем кто-то заговорит, предаст, проболтается или предложит больше. Раньше, чем тебя выдадут враждебной группировке или полиции. Полиция чрезвычайно важна. Он сам был полицейским. Поэтому они нашли человека, который покрывал перевозки: Кики. Кики был легавым, и он гарантировал безопасность от штата Герреро до Нижней Калифорнии[11 - То есть на большей части тихоокеанского побережья Мексики, до самой границы с США.]. Так что въезд в Соединенные Штаты был отлажен. Каро Кинтеро питал к Кики неподдельное почтение и часто приглашал его к себе домой. Он рассказывал ему, как должен вести себя глава группировки, что он должен показывать своим людям, каким должен быть его стиль жизни: человека обеспеченного, богатого, но без крайностей. Ты должен заставить всех поверить в то, что если у тебя все хорошо, то и у твоих людей, у всех, кто работает с тобой, все будет хорошо. Ты должен действовать так, чтобы они верили, что дела идут в гору, что все растет и развивается. А если покажешь, что у тебя есть все, что ты можешь иметь все, они захотят у тебя что-нибудь отнять, так как будут думать, что дальше зайти нельзя и нельзя получить больше. Это тонкая грань, и секрет успеха в том, чтобы не перейти ее, не поддаться искушению вести роскошную жизнь.

Кики делал так, что наркотики можно было провезти куда угодно, и клан Крестного Отца охотно платил ему. Казалось, он мог купить всех, незаметно протащить все что угодно через границу Штатов. Именно благодаря этому безграничному доверию, которое он со временем заработал, с Кики начали говорить о том, о чем не говорили ни с кем. Речь шла о Буфало. После того как очередной грузовик, набитый колумбийским кокаином и мексиканской травой, был доставлен в США, Кики отвезли в Чиуауа[12 - Один из пограничных штатов на севере Мексики.]. Он много раз слышал о Буфало, но не знал, что это – имя, шифр, какая-то операция, прозвище? Буфало был не боссом всех боссов и не священным и почитаемым животным[13 - Словом *bufalo* в испанском обозначается буйвол и бизон.], хотя, когда речь касалась этого предмета, о нем говорили с уважением, волнением и таинственным видом. Ничего подобного, даже близко. Буфало – одна из самых крупных плантаций марихуаны в мире.

Более 1300 акров земли и где-то около десяти тысяч крестьян. Все акции протеста в мире, от Нью-Йорка до Афин, от Рима до Лос-Анджелеса, всегда были связаны с употреблением марихуаны. Праздники без косяка? Митинги без косяка? Да быть такого не может. Трава, символ легкого кайфа, приятного отдыха в компании, тусовок и дружбы. Вся или почти вся трава, которую курили американцы, вся, что продавали и употребляли в римских и парижских университетах, вся трава шведских митингов и немецких пикетов, вся трава для вечеринок поставлялась из Буфало: она росла там, а потом мафии половины земного шара распродавали ее. Кики должен был провести новую партию грузовиков, наполненных сокровищами Буфало. И он согласился.

Утром 6 ноября 1984 года четыреста пятьдесят мексиканских солдат вторглись на территорию Буфало. Военные спускались с вертолетов и вырывали растения с корнем, изымали уже собранную марихуану – целые тюки травы, готовой к сушке и измельчению. Вместе с тысячами тонн конфискованной и сожженной травы обратились в дым восемь миллиардов долларов. Буфало и все, что выращивалось там, находились под контролем клана Рафаэля Каро Кинтеро. Плантация существовала под защитой полиции и вооруженных сил; она была огромной и служила основным экономическим ресурсом всего края. Все имели с нее доход. Каро Кинтеро поверить не мог, что при всех расходах, которые он понес, чтобы отладить ход коррупционной машины, чтобы подкупить и армию, и полицию, от его внимания могла ускользнуть военная операция такого масштаба. Ведь даже военные самолеты, поднимавшиеся в воздух над плантацией, сначала предупреждали об этом и просили у него разрешения. Никто не мог понять, что произошло. На мексиканцев, должно быть, надавили американцы. Очевидно, в дело вмешалось УБН, Управление по борьбе с наркотиками США.

Каро Кинтеро и Крестный Отец забеспокоились. Между ними были очень доверительные отношения, ведь именно они основали организацию, монополизировавшую весь оборот наркотиков в Мексике. Они приказали своим людям проверить всех, кому они когда-либо платили. Потому что о случившемся они должны были узнать заранее. Обычно их предупреждали о намечавшихся рейдах, и они сами делали так, чтобы полиция нашла небольшую партию наркотиков. Хорошенькую партию, если полицейский, которому поручался рейд, заявлялся вместе с телекамерами новостных каналов или должен был продвинуться по службе. Или партию поменьше, если он не был своим человеком. Кики поговорил со всеми, поговорил с Доном Нето, с доверенными лицами Крестного Отца, на всех парах понесся в Гвадалахару, где собирались главы картелей. Он хотел прощупать почву, понять, какими могут быть

следующие действия верхушки. Как-то он отправился на встречу с Микой, своей женой; они иногда обедали вместе, но только если Кики был спокоен и несильно загружен работой. Они должны были встретиться вдали от полицейского участка, в одном из самых красивых кварталов Гвадалахары.

Кики вышел из кабинета, оставил значок и пистолет в шкафчике и оказался на улице. Он подошел к своему пикапу, и тут пятеро мужчин – трое спереди, перед капотом машины, двое сзади, рядом с багажником, – наставили на него пистолеты. Кики поднял руки и попытался найти знакомые лица среди тех, кто угрожал ему. Он, должно быть, пытался понять, кто это: какие-то киллеры, которых он знал, или же их направил босс, которому он в прошлом не угодил или сделал одолжение. Очевидно, в таком положении – руки за голову – его посадили в бежевый “фольксваген атлантик”. Жена все ждала его, а не дождавшись, позвонила в участок. Кики привезли на улицу Лопе де Вега. Он отлично знал это двухэтажное здание с верандой и теннисным кортом. То был один из домов, что принадлежали людям Крестного Отца. Его раскрыли. Потому что Кики не был очередным мексиканским полицейским, кормящимся за счет картелей. Он не был купленным с потрохами крайне ушлым легавым, который стал для Крестного Отца своим человеком, “алхимиком”. Кики был агентом Управления по борьбе с наркотиками США.

Его настоящее имя было Энрике Камарена Саласар. Американец мексиканского происхождения, он поступил на службу в УБН в 1974 году. Он начинал работать в Калифорнии, а потом его перевели в гвадалахарское отделение. Четыре года он распутывал сеть самых крупных наркоторговцев страны. Он начал подумывать о том, чтобы проникнуть внутрь этой системы, так как полицейские операции приводили лишь к аресту кампесинос, то есть крестьян, а также пушеров, водителей, киллеров, в то время как проблема была не в них. Он хотел перейти на новый уровень, выйти за рамки всех этих массовых арестов, крайне впечатляющих числом, но совершенно ничтожных по своему значению. В 1974–1976 годах, когда мексиканское правительство и УБН создали совместную оперативную группу для борьбы с производством опиума в горах Синалоа, было проведено четыре тысячи арестов, но их жертвами стали простые крестьяне и перевозчики. Кики пытался как можно глубже проникнуть в наркобизнес так называемого “Золотого треугольника”, то есть всей территории между штатами Синалоа, Дуранго и Чиуауа, где в огромных количествах выращивалась марихуана и производился опиум. Мать Кики волновалась за него и была против этого предприятия; она не хотела, чтобы ее сын в одиночку пошел против королей мирового наркобизнеса. Но Кики просто сказал ей: “Даже если я такой один, от меня что-то зависит”. Такова была его философия. И это было так. Кики

предали. Очень немногие знали об операции, но среди этих немногих кто-то заговорил. Похитившие Кики привели его в комнату и начали пытаться. Нужно было устроить показательное выступление. Чтобы никто никогда не смог забыть, как был наказан за предательство Кики Камарена. Они включили магнитофон и записали все, потому что хотели показать Крестному Отцу: мы сделали невозможное для того, чтобы Кики сказал все, что знал. Потому что они хотели, чтобы любое сказанное им слово, пока они его бьют и пытаются, любое признание, даже самое незначительное, было записано. В такой момент все может пригодиться. Они хотели знать, о чем Кики уже доложил и кто еще состоял в его команде двойных агентов. Для начала они надавали ему пощечин и ударили кулаком в кадык, чтобы он стал задыхаться. Пока он сидел связанным с повязкой на глазах, ему сломали нос и разбили надбровные дуги. Потом Кики потерял сознание, и его мучители позвали врача. Его привели в чувство ледяной водой и смыли с лица кровь. Он плакал от боли. Но не отвечал. Его спрашивали, как Управлению удалось получить информацию, кто ее передавал. Они хотели знать имена других. Но других не было. Ему не верили. Они обвязали ему яички проводами и пустили ток. На ленте с записью слышны крики и шум от падения. Его тело как будто подбрасывало в воздух от ударов током. Он был привязан к стулу за руки и за ноги, и потом один из пытавших Кики приставил к его голове винт – и начал вкручивать его. Винт входил в череп, разрывая ткани и ломая кость, вызывая дикую пронизывающую боль. Кики только повторял: “Не трогайте мою семью. Прошу вас, не делайте им ничего плохого”. Боль от каждой пощечины, от каждого выбитого зуба, от каждого удара током становилась все более невыносимой при мысли, что нечто подобное могло произойти с Микой, Энрике, Даниэлем и Эриком. С его женой и детьми. На записи он чаще всего повторяет именно это. У тебя могут быть какие угодно отношения с семьей, но когда ты понимаешь, что они могут заплатить за то, в чем виноват ты, боль становится нестерпимой, как нестерпима мысль, что кто-то другой испытает такую же боль по твоей вине, из-за выбора, который сделал ты сам.

Когда боль полностью овладевает телом, она вызывает неожиданную, невыносимую реакцию. Ты не врешь напропалую в надежде, что все это закончится, потому что боишься быть раскрытым – и тогда боль вернется и станет, если такое только возможно, еще сильнее. Боль заставляет тебя говорить именно то, чего от тебя хочет твой мучитель. Но самое невыносимое, что с тобой происходит из-за боли, которую ты не в состоянии терпеть, – это потеря психологической ориентации. Ты валяешься на полу в собственной крови, моче, слюнях, со сломанными костями. И несмотря на это, у тебя нет выбора, ты продолжаешь доверять тем, кто пытается тебя. Их разуму, их несуществующей жалости. Боль от пыток заставляет тебя терять рассудок и высказывать без

раздумий свои самые худшие страхи. Она заставляет тебя молить о пощаде, особенно в отношении семьи. Как можно только подумать, что тот, кто способен сжечь тебе яйца и вкрутить в череп винт, станет прислушиваться к мольбам оставить в покое твою семью? Кики просто умолял, все остальное ему было неважно. Как можно только подумать, что как раз его просьбы, наоборот, питали их желание отомстить, их ярость?

Ему сломали ребра. “Пожалуйста, можете мне их перевязать?” – слышится в какой-то момент на записи. Ему порвали легкие; он чувствовал, словно его тело режут кусками стекла и от этого оно будто горит. Один из них подготовил угли, точно они собирались жарить бифштекс. Они раскалили прут и вставили его в прямую кишку Кики. Они отымели его раскаленным прутом. Его крики на пленке становятся невыносимы, никто потом не сможет удержаться от того, чтобы выключить на этом месте запись. Никто не сможет удержаться от того, чтобы выйти из комнаты, где ее включали. Когда рассказывают историю Кики, кто-нибудь обязательно припомнит, что судьи, слушавшие пленку, неделями не могли уснуть. Рассказывают и о том, как тошнило полицейских, когда они оформляли по форме рапорт об этой девятичасовой записи. Одни записывали то, что слышали, и плакали при этом, другие зажимали уши и кричали: “Хвати-и-ит!” Кики пытали и одновременно спрашивали, как он смог управлять всем этим. Выспрашивали имена, адреса, банковские счета. Но других внедренных агентов не было. Он все устроил один, с согласия некоторых своих руководителей и при поддержке одной маленькой мексиканской организации. Вся сила его операции под прикрытием была именно в том, что он действовал в одиночку. Но как раз те мексиканские полицейские, всего несколько человек, кто знал об этом, выдержавшие все испытания и проверки в течение многих лет, продались. И донесли информацию до Каро Кинтеро.

Сразу же сложилось впечатление, что в случившемся замешана мексиканская полиция. Из свидетельств выходило, что похищение было организовано при помощи полицейских, состоявших на содержании у Гвадалахарского картеля. Но Пинос, резиденция мексиканского президента, не делала ничего: не проводила расследований, не давала ответов. Любая попытка пресекалась правительством, которое тут же сводило дело на нет: “Вы просто потеряли человека. Может, он в Гвадалахаре, загорает? Ничего тут срочного нет”. Они не признавали, что произошло похищение. Вашингтон также посоветовал Управлению забыть обо всем и смириться со случившимся, ведь прочные политические отношения между Мексикой и Штатами были слишком важны, чтобы портить их исчезновением какого-то агента. Но УБН не могло принять такое поражение и направило в Гвадалахару двадцать пять человек на расследование. В поисках

Кики Камарены они устроили настоящую охоту на человека. Крестный Отец чувствовал, что ему начинают наступать на пятки. Возможно, трогать Кики было неверным шагом. Но когда на твоей стороне весь правящий класс и тем более когда ты уверен, что предусмотрел все до мелочей, ты начинаешь вести себя вызывающе – такова надменность власти. И денег. Случай Кики должен был стать образцом. Ему было оказано безграничное доверие, и наказание его должно было остаться в истории, в памяти – на будущее.

Через месяц после похищения тело Кики нашли в окрестностях деревушки Ангостура в штате Мичоакан, в сотне километров к югу от Гвадалахары, на обочине проселочной дороги. Он был все еще связан, во рту торчал кляп, а на глазах была все та же повязка. Тело было сильно изуродовано. Мексиканское правительство сделало ложное заявление о том, что труп, завернутый в полиэтиленовый мешок, обнаружил у дороги какой-то крестьянин. Анализ следов земли на коже, проведенный ФБР, в свою очередь показал, что тело было захоронено в другом месте и уже после перенесено туда, где его нашли. Именно к этой яме, где был похоронен Кики, носил цветы и приводил сыновей старый контрабандист Артуро. И когда они, а также его племянники, а потом и их сыновья просили у него разрешения войти в наркокартели, работать с наркоторговцами, отдать свои земли наркоторговцам, Артуро молчал. Он, бывший в прошлом влиятельным воротилой опиумного бизнеса, отказался от всего, но младшие поколения сожалели об этом его решении и не понимали его. Не понимали, пока он не приводил их к той яме. И не рассказывал о Кики и о собаке, которую видел еще ребенком. Он рассказывал и тем самым давал понять, на чем основан этот его запрет. Так он, по-своему, бросался в огонь и вытаскивал из него щенков. Дон Артуро знал, что он должен быть таким же храбрым, как и та собака.

История Кики Камарены уже не должна вызывать боль. Возможно, ее даже больше не стоит рассказывать, ведь ее и так все знают. Жуткая история. Эта история должна бы казаться второстепенной, произошедшей где-то далеко, в неизвестном, забытом всеми краю. Но на самом деле она важна. Это начало всего, я бы сказал. Нужно понимать, откуда возникают, где рождаются стоны современной Земли, ее вращение, ее пути и маршруты, ее потоки, ее кровь и ярость. Решения 1980-х годов и поступки Феликса Гальярдо по кличке Крестный Отец и Пабло Эскобара по кличке Маг куда больше определяют то, с чем мы сейчас живем, экономику, которая управляет нашими жизнями и влияет на наш выбор, нежели решения и поступки Рейгана и Горбачева. По крайней мере, я так думаю.

По многочисленным свидетельствам, в 1989 году Крестный Отец собрал в одном из отелей Акапулько всех самых влиятельных мексиканских наркобаронов того времени. Пока мир готовился к падению Берлинской стены, пока все хоронили прошлое, а вместе с ним и страдания людей по разные стороны баррикад, холодную войну, железный занавес и границы, которые нельзя было пересечь, в этом маленьком городке на юго-востоке Мексики без лишнего шума планировалось будущее планеты. Крестный Отец решил разделить бизнес, который он раньше контролировал, и поручить разные его сегменты торговцам, пока еще не попавшим в поле зрения УБН. Он поделил всю территорию на зоны, или “пласы”, каждая из которых поручалась людям, имевшим исключительное право контролировать передвижение товара в пределах вверенного участка. Тот, кто пересекал со своим товаром чужую территорию, должен был заплатить некую сумму картелю-владельцу. Таким образом, контроль над стратегически важными участками переставал быть причиной для конфликтов между торговцами. Гальярдо создал систему сосуществования картелей.

Но раздел территорий имел и другие преимущества. Прошло четыре года после истории с Кики, и для Крестного Отца это была еще совсем свежая рана. Он не ожидал, что его можно провести таким образом. И именно поэтому так важно было укрепить всю цепь, чтобы одно слабое звено не могло больше поставить под удар всю группировку. Если разделить группировку на несколько кланов, она больше не может быть разрушена одним ударом сил правопорядка или же выведена на чистую воду, если политики вдруг решат раскрыть тех, кто стоит за ними, или если ветер подует в другую сторону. Независимое управление зонами также давало больше возможностей для ведения дел, а главы картелей могли контролировать свои пласы с самого близкого расстояния. Инвестиции, поиск новых рынков, конкуренция – все это сулило больше перспектив и работы. Словом, Крестный Отец устраивал революцию, масштабы которой мир в скором времени должен был осознать: он приватизировал наркорынок Мексики и открыл его для конкурентной торговли.

Говорили, что собрание прошло без шума, никто не устраивал сцен, не ломал комедию. Все съехались, припарковались и сели за стол. Несколько телохранителей, меню на уровне важного приема или крестин. Крестили новую жизнь, новую власть наркомафии. Крестный Отец появился, когда остальные уже принялись за еду. Он занял свое место и поднял тост. Он чокнулся с каждым из приглашенных – число бокалов соответствовало количеству отданных им территорий. Он поднялся с бокалом вина в руке и попросил Мигеля Каро Кинтеро сделать то же самое – ему был вверен штат Сонора. Все заплодировали, и они выпили. Второй бокал был за семейство Каррильо

Фуэнтес: “Вам – Сьюдад-Хуарес”. Потом он снова поднял бокал – и в этот раз обратился к Хуану Гарсии Абрего, которому отдал контроль над Матаморосом. Пришла очередь братьев Арельяно Феликс: “Вам – Тихуана”. Последний бокал был выпит за тихоокеанское побережье. Хоакин Гусман Лоэра по прозвищу Чапо и Исмаэль Самбада Гарсия, “Майо”, поднялись даже раньше, чем их называли: они давно претендовали на эти территории, до этого они были лишь наместниками, а теперь наконец были возведены на престол. Раздел закончен, новый мир создан. Возможно, этот рассказ – легенда, но я всегда думал, что только легенда вроде этой может обладать достаточной мистической силой, чтобы вызвать к жизни самый настоящий миф о сотворении мира. Подобно тому, как римский император в древности мог собрать вокруг себя наследников и каждому из них отдать часть своих владений, Крестный Отец этим покровительственным жестом должен был обозначить начало новой эры или хотя бы сделать так, чтобы об этом начали говорить, и в то же время – обеспечить себе что-то вроде пожизненной страховки.

Тогда-то и появились на свет наркокартели в том виде, в котором они продолжают существовать сегодня, двадцать лет спустя. Появились криминальные группировки, не имевшие никакого отношения к прошлому. Появились организации с собственной территорией, которой они управляли, на которой устанавливали цены и правила торговли, меры защиты и принципы посредничества между производителями и потребителями. Наркокартели могут устанавливать цены и зоны влияния, сев за стол и приняв новое правило или закон. Или же с помощью тротила, с тысячами жертв. Не существует общего для всех способа определить цену и количество распространяемого кокаина: все зависит от обстоятельств, от времени, от людей, от альянсов, от предательств, от амбиций глав картелей, от денежных потоков.

Крестный Отец собирался оставить за собой надзор за операциями – ведь это именно он в прошлом был полицейским, это у него сохранились связи, он должен был остаться главным человеком. Но он так и не успел увидеть свой план в действии. После того как почти четырем годами ранее было обнаружено тело Кики, стало ясно, что его коллеги из Управления не успокоятся, пока не воздадут по заслугам тому, кто виновен в кошмаре, пережитом одним из агентов, человеком, который для многих был лучшим. За кошмар, пережитый Кики. Отношения между правительствами Соединенных Штатов и Мексики становились все более напряженными. Более чем три тысячи километров, объединяющие эти два государства, длинная полоска земли, которая, как говорят дельцы, “лизет задницу Америке” и благодаря этому умудряется протащить туда все, что хочет, охранялись днем и ночью с неведомым ранее

усердием и строгостью. Один из подельников Рафаэля Каро Кинтеро признался, что изначально тело Кики было похоронено в парке Примавера, к западу от Гвадалахары, а не там, где его нашли. Образцы земли совпали с теми, что были найдены на теле жертвы. От его одежды избавились под предлогом того, что она сгнила, однако, очевидно, преступники намеревались убрать улики. В этот момент Управление начало самое масштабное расследование убийства из тех, что когда-либо были предприняты Соединенными Штатами в прошлом. Операцию назвали “Легенда”. Поиск убийц превратился в охоту. Американские агенты не упустили ни одной улики. Были арестованы пятеро полицейских, признавшихся в том, что участвовали в истязании Камарены. Все они назвали в качестве заказчиков Рафаэля Каро Кинтеро и Эрнесто “Дона Нето” Фонсеку Каррильо, которых также арестовали.

Каро Кинтеро попытался бежать. Он не мог представить себе, что Мексика, его вотчина, выдаст его Управлению. Он всегда покупал всех и в итоге дал взятку размером в шестьдесят миллионов песо крупной шишке в федеральной полиции. Ему удалось добраться до Коста-Рики. Но когда бежишь, не стоит даже думать о том, чтобы унести с собой старую жизнь. Нужно бежать, и все. То есть в каком-то смысле приходится умирать. Каро Кинтеро взял с собой свою невесту, Сару Кристину Косио Бидаурри Мартинес. Сара не была боссом. Она не умела ложиться на дно. На первый взгляд, очень просто начать где-то далеко новую жизнь, стать другим человеком. По сути, тебе кажется, что нужно не так много, достаточно иметь деньги. Жить втайне ото всех – это пытка, оказывающая сильнейшее психологическое давление, которое мало кто может выдержать. После нескольких месяцев разлуки Сара не удержалась и позвонила своей матери в Мексику. Полиция знала, что рано или поздно она это сделает, и прослушивала телефон. Это была та самая ошибка, которая помогла УБН обнаружить босса, его дом, рассекретить его новую жизнь. Агенты поехали арестовывать его. Каро Кинтеро и Дон Нето отказались от сотрудничества с правосудием и перекинули ответственность за убийство Кики на их общего главу, то есть на Крестного Отца. Они, по собственным словам, участвовали только в похищении. Скорее всего, они сделали это по сговору с Крестным Отцом, который пользовался в Мексике поддержкой высоких чинов. Но, как показали действия кланов, существует лишь одно правило: кто предложит больше. И за четыре года, последовавших за смертью Кики, полиция Соединенных Штатов начала подбираться все ближе и ослаблять защиту Феликса Гальярдо. Чтобы добраться до Крестного Отца, нужно было изолировать всех тех, кто прикрывал его. Политиков, судей, полицейских, журналистов. Многие из тех, кто получал деньги от людей из клана Гвадалахары за покрытие Крестного Отца и его окружения, оказались под арестом или были

уволены. Среди обвиняемых был и глава мексиканского бюро Интерпола, Мигель Альдана Ибарра, прекрасно осведомленный о ходе расследований и о наркоторговле. Он также состоял на довольствии у Крестного Отца: всю информацию он сначала передавал наркоторговцам, а потом уже собственному начальству. Крестного Отца арестовали 8 апреля 1989 года. Через несколько лет его перевели в тюрьму особо строгого режима “Альтиплано”, где он по сей день отбывает свой сорокалетний срок заключения.

Все за решеткой: Крестный Отец, Рафаэль Каро Кинтеро, Эрнесто Фонсека Каррильо. Но эти истории не закончатся никогда, как показывает случай Каро Кинтеро, который ночью 9 августа 2013 года снова вдохнет свежий воздух свободы. Федеральный суд Гвадалахары нашел формальное нарушение в деле о причастности Кинтеро к похищению, пытке и убийству Кики Камарены: федеральный суд, который вел дело Кинтеро, не имел на это полномочий, так как агент УБН не является дипломатическим или консульским представителем; таким образом, процесс должен был вестись в суде штата. Формальность, зацепиться за которую одному из самых крупных мексиканских наркобаронов не составит труда. Но в Америке против него выдвинуты обвинения в различных преступлениях на территории государства: поэтому Государственный департамент США назначил вознаграждение в пять тысяч долларов за информацию, которая может способствовать его задержанию. Американцы хотят снова упрятать его за решетку – в этот раз за свою.

Убийство Камарены и последовавшие за ним события представляют собой поворотный момент в борьбе с наркоторговлей в Мексике. Определенно выросла безнаказанность картелей: похитить агента Управления по борьбе с наркотиками среди бела дня, прямо перед зданием консульства США, чтобы потом издеваться над ним и убить, – все это явно превышало то, что они позволяли себе до сих пор. У Камарены была хорошая интуиция: он раньше других понял, что система изменилась, стала чем-то большим, чем просто группа гангстеров и контрабандистов. Он понимал, что сражается с настоящими топ-менеджерами наркоторговли. Понимал, что сначала нужно разрушить связи между организациями и дельцами. Понимал, что массовые аресты простых поденщиков, по сути, бессмысленны, если не перекрыть те каналы, которые насыщали рынок деньгами и усиливали власть боссов. Внимание Кики было обращено на рождение этой новой неприкасаемой преступной буржуазии. Его больше интересовали денежные потоки, чем киллеры и толкачи. Он понял то, что Соединенные Штаты даже сегодня еще не осознали до конца: нужно бить в

голову, то есть по боссам, большим начальникам, все остальные – лишь исполнители. Он также понял, что производители становятся все более слабыми по сравнению с теми, кто распространяет товар. Это закон экономики и, следовательно, закон наркоторговли, представляющий собой самую суть коммерции и рыночных правил. Колумбийские производители начали переживать кризис, а вместе с ними и картели Медельина и Кали, а также партизанские отряды ФАРК, Революционных вооруженных сил Колумбии.

Смерть Кики пробудила в общественном мнении Штатов обостренное, как никогда ранее, внимание к проблеме наркотиков. После обнаружения его тела многие американцы, начиная с жителей Калексико, штат Калифорния, родного города Кики, стали носить красные ленточки как символ боли, символ физических мук. И попросили других людей перестать принимать наркотики во имя той жертвы, которую принес Камарена в борьбе с ними. В Калифорнии, а потом и по всей стране, была организована Red Ribbon Week, “неделя красной ленты”, которая до сих пор проходит в октябре каждого года как кампания против употребления наркотиков. История Кики оказалась в кино и на телеэкранах.

Перед арестом Крестному Отцу удалось убедить боссов отказаться от опиума и сосредоточить усилия на кокаине, поставлявшемся из Южной Америки в США. Это не значило, что мексиканские плантации марихуаны и опиумного мака должны были исчезнуть. Они остались, точно так же как торговля и экспорт. Но при этом они потеряли свою значимость, их вытеснил кокаин, а впоследствии так называемый *hielo*, “лед”, – то есть метамфетамин. Решения, принятые на собрании в Акапулько за несколько месяцев до ареста Крестного Отца, увеличили число группировок, но в отсутствие признаваемой всеми верховной власти босса между оставшимися на свободе разгорелись ожесточенные конфликты за территорию. Картели начали воевать между собой уже в начале 1990-х годов. Поначалу эта война не освещалась массмедиа, так как мало кто верил в существование наркокартелей. Но чем более кровопролитным становился конфликт, тем больше славы и популярности приобретали его герои. Это были акулы. Акулы, которые ради того, чтобы подчинить себе наркорынок, приносящий сегодня в одной только Мексике от двадцати пяти до пятидесяти миллиардов долларов в год, готовы были растащить Латинскую Америку по кускам, до самого основания. Экономический кризис, уничтоженная деривативами и преступным капиталом финансовая система, биржевое безумие – почти повсюду эти вещи подрывают демократию, работу и надежды, кредиты и жизни людей. Но что кризис не разрушает, а, наоборот, лишь укрепляет – так это криминальную экономику. Современный мир начинается здесь, с этого нового

Большого взрыва, источника денежных потоков. Столкновения между идеологиями и цивилизациями, религиозные и культурные конфликты – всего лишь главы мировой истории. Но если посмотреть на это через призму криминальных капиталов, все векторы и течения приобретают новый смысл. Если не учитывать преступную власть картелей, все комментарии по поводу кризиса и все его интерпретации кажутся основанными на каком-то недоразумении. Чтобы понять ее, на эту власть нужно смотреть как следует, даже более того, нужно заглянуть ей в лицо, в глаза. Она построила новый мир, создала новую вселенную. Большой взрыв начался с этого.

Кока № 2

Это не героин, который превращает тебя в зомби. Это не трава, которая расслабляет и заставляет кровь приливать к глазам. Эффект от кокаина может быть очень разным. С ним можно делать все что угодно. Прежде чем он заставит твое сердце разорваться на части, прежде чем твой мозг превратится в кашу, прежде чем у тебя навсегда перестанет стоять, прежде чем на месте желудка окажется гнойная рана, ты будешь больше работать, больше развлекаться и больше трахаться. Кокаин – исчерпывающий ответ на самое настойчивое требование нашей эпохи: отсутствие границ. С кокаином ты переживешь больше разных событий. Ты сможешь больше общаться. Вот она, первая заповедь современной жизни. Чем больше ты общаешься, тем ты счастливее, чем больше общаешься, тем больше получаешь удовольствия, тем больше чувствуешь, тем больше продаешь – чего угодно. Больше. Все больше и больше. Но наше тело так не может. В какой-то момент возбуждение должно пройти, а тело – вернуться в состояние покоя. И вот тут-то в игру и вступает кокаин. Это тонкая работа, ведь он должен попасть в пространство между клетками, то самое, что разделяет их, – это место называется синаптической щелью, – а потом блокировать важнейший механизм. То же самое происходит, когда ты играешь в теннис и делаешь сопернику подачу, которую он точно не сможет принять, вдоль боковой линии; в эту секунду время замирает, все достигает совершенства, спокойствие и сила сосуществуют внутри тебя в идеальном равновесии. Это чувство блаженства вызывается микроскопической каплей вещества-нейромедиатора, попавшей точно в ту самую синаптическую щель между клетками. Одна клетка возбуждается и передает импульс соседней и так далее, пока миллионы подобных им не начнут колебаться одновременно. И жизнь вспыхивает заново.

Ты возвращаешься к задней линии, то же делает и твой противник, вы готовы разыграть еще один мяч, от недавнего ощущения осталось лишь слабое эхо. Нейромедиатор поглощен, импульс между двумя клетками прерван. И вот тут вступает в дело кокаин. Он препятствует всасыванию нейромедиатора, и твои клетки всегда “включены”, как если бы каждый день было Рождество – праздничная иллюминация триста шестьдесят пять дней в году. Нейромедиаторы, которые кокаин просто обожает и без которых не может обойтись, называются допамин и норадреналин. Первый – это тот, что позволяет тебе быть в центре внимания на вечеринке, потому что с ним все намного проще. Проще говорить, проще флиртовать, проще быть милым, проще чувствовать себя оцененным по достоинству. Вторым, норадреналин, имеет более коварный эффект. Вокруг тебя все как будто становится больше и яростнее. Упал стакан? Ты слышишь это раньше всех. Хлопнуло окно? Ты замечаешь это первым. Тебя позвали? Ты оборачиваешься раньше, чем твое имя выговорят до конца. Так действует норадреналин. Он усиливает состояние внимания и тревоги, все вокруг наполняется угрозами и опасностями, становится враждебным, ты то и дело ждешь, что на тебя нападут или сделают тебе больно. Ответная реакция страха ускоряется, становится внезапной и ничем не ограниченной. Это паранойя, ее широко распахнутая дверь. Кокаин – это топливо для тела. Он возводит твою жизнь в третью степень – прежде чем выжать и сломать тебя полностью. За еще одну жизнь, которую он, как тебе кажется, дарит тебе, придется заплатить сторицей. Возможно, потом. Но “потом” никого не интересует. Все происходит здесь и сейчас.

Глава 3

Война за белую нефть

Мексика – начало всего. Мир, в котором мы сейчас живем, – это Китай, Индия, но также и Мексика. Тот, кто не знает ее, не сможет понять, откуда сегодня берется богатство на нашей планете. Кто не знает Мексики, тот никогда не поймет, как потоки наркоторговли меняют судьбу демократических государств. Кто не знает Мексики, тот не найдет дороги, на которую выводит запах денег; тот не знает, что запах преступных денег способен перекрыть все, даже гнусную вонь смерти, нищеты, зверства и коррупции.

Чтобы понять все о кокаине, нужно понять Мексику. Тоскующие по революции – как укрывшиеся в Латинской Америке, так и состарившиеся в Европе – смотрят на эту страну точно так же, как мужчина смотрит на свою бывшую любовницу, вышедшую замуж за богача. Он видит ее несчастной и вспоминает, как когда-то, еще молодая и бедная, она отдавалась ему со страстью, неведомой тому, кто купил ее, взяв в жены. Остальные наблюдатели видят ровно то, что лежит на поверхности: край ужасной жестокости, постоянной и невнятной гражданской войны, неизвестно какой по счету на этой земле, что никак не перестанет кровоточить.

Но в Мексике повторяется и еще одна всем известная история: история войны, разразившейся из-за того, что правители на местах сильны, а власть, которая должна стоять над ними, слаба и давно прогнила до основания. Как в эпоху феодализма, как в Японии времен самураев и сёгунов[14 - Главы отдельных кланов, фактически управлявшие Японией с 1192 по 1868 г. при формальном сохранении власти императора.], как в трагедиях Шекспира. Однако Мексика – все же не запутавшаяся в своих проблемах страна на краю света. Это не новое Средневековье. Мексике нельзя дать определение. Это просто Мексика. И все. Это здесь и сейчас. Это там, где война выходит за все возможные границы. Где войну ведут хозяева самого популярного в мире товара. Это война за белый порошок, который приносит настолько огромные деньги, что может быть опаснее нефтяных скважин.

Скважины белой нефти находятся в штате Синалоа, на берегу моря. Синалоа с его реками, спускающимися со Сьерра-Мадре[15 - Горная цепь, идущая вдоль западного побережья Мексики.] и впадающими в Тихий океан, похож на драгоценный камень. Не верится, что здесь есть что-то еще, кроме слепящего солнца и песка, в который можно зарыться ногами. Так хотел бы ответить ученик на вопрос преподавательницы о ресурсах этой территории. “Опиум и марихуана” – вот что ему бы следовало сказать вместо этого. В таких количествах, что если эти стены еще стоят, то лишь потому, что его бабушка и дедушка выращивали марихуану и опиум, а у их детей сегодня есть образование и работа – благодаря кокаину. Но если бы он ответил так, то получил бы хорошую затрещину и, как говорили в мое время, замечание в дневник. Пусть лучше ответит, как пишут в учебниках географии: что богатство этой области составляют рыба, мясо и сельское хозяйство. И все-таки уже в XIX веке китайские торговцы привезли в Синалоа опиум. Они называли его “черный яд”. В Синалоа его было в избытке. Опиумный мак можно выращивать почти везде. Там, где растут зерновые, может вырасти и мак. Единственное условие – климат: не слишком сухой и не слишком влажный, никаких заморозков, никакого града.

Но в Синалоа хороший климат, града не бывает и все близко к морю.

Сейчас картель Синалоа заправляет всем. Он, кажется, разгромил всех своих конкурентов – по крайней мере, до следующего переворота. Картель Синалоа – гегемон. На его территории наркотики гарантируют полную занятость населения. С помощью наркотиков добывали себе пропитание целые поколения. От крестьян до политиков, от молодежи до стариков, от полицейских до бездельников. Кто-то же должен выращивать, складировать, перевозить, охранять. В Синалоа все при деле. Группировка действует на территории “Золотого треугольника” и, контролируя шестьсот пятьдесят тысяч квадратных километров, представляет собой самый большой картель в Мексике. Под его руководством проходит большая часть операций по перевозке и распространению кокаина в Штатах. Наркоторговцы Синалоа живут в более чем восьмидесяти американских городах, их ячейки в основном расположены в Аризоне, Калифорнии, Техасе, Чикаго и Нью-Йорке. Они распространяют на американском рынке кокаин, поставляемый из Колумбии. По официальным данным Министерства юстиции Соединенных Штатов, картель Синалоа с 1990 по 2008 год ввез и распространил как минимум двести тонн кокаина и большое количество героина.

Синалоа – владение Чапо, человека, который в Штатах важнее любого министра. Кокаин, марихуана, амфетамин – большая часть всего, что курят, забивают в косяки и глотают американцы, прошла через руки его людей. С 1995 года он глава группировки, возникшей в 1989 году на руинах Гвадалахарского картеля. “Чапо” значит “Коротышка”, ведь именно рост принес ему удачу. Сто шестьдесят семь сантиметров решительности. Никто не имеет права смотреть на него сверху вниз. Ко всему прочему, он на редкость изворотлив и обаятелен, обладает лидерскими качествами и умеет соблазнять. Он не ставит себя выше собственных людей, не доминирует над ними, не опережает их в чем-то, даже физически. В обмен на это он получает полное доверие. Его настоящее имя – Хоакин Арчибальдо Гусман Лозера. Родился он предположительно 4 апреля 1957 года в Туна-де-Бадирагуато, крохотной деревушке с несколькими сотнями жителей, расположенной на склонах Сьерры, в горах Синалоа. Как и все в Туна, отец Хоакина был крестьянином и скотоводом, и воспитание, которое он дал своему сыну, состояло из побоев и работы в поле. Это были годы опиума. В его производстве была задействована вся семья Чапо: целое маленькое войско от заката до рассвета занималось выращиванием опиумного мака. Сам он работал на кухне, ведь прежде чем отправиться с другими мужчинами на поле по непроходимым тропам, он должен был быть при матери и носить еду старшим братьям. Килограмм опиума-сырца приносил семье восемь тысяч песо (что

сейчас равняется примерно шести сотням долларов), которые глава семейства должен был передавать дальше по цепочке. То есть в большие города – возможно, даже в саму столицу Синалоа, Кульякан. Непростая операция, если ты обычный крестьянин; намного легче, если этот крестьянин, отец Чапо, – родственник Педро Авилеса Переса, большой шишки в мире наркоторговли. С такими предпосылками к двадцати годам молодой Чапо нашел возможность выбраться из нищеты, в которой жили его предки. В те времена в Синалоа всем заправлял Мигель Анхель Феликс Гальярдо, Крестный Отец. Вместе со своими подельниками – Эрнесто Фонсекой Каррильо по прозвищу Дон Нето и Рафаэлем Каро Кинтеро – он контролировал все партии наркотиков, которые ввозились в Мексику и вывозились за границу. Вступить в группировку для молодого Чапо было естественным шагом, и настолько же естественным было принять, не моргнув глазом, первый вызов – заняться доставкой наркотиков из деревень на границу. Чапо справился блестяще, но для него это была еще не победа, а только шаг к вершине, к власти. Чтобы взобраться наверх, ты не должен щадить тех, кто ошибается, не должен останавливаться перед оправданиями подчиненных, не успевших в срок. Если есть какая-то проблема, Чапо смело берется за ее решение, а после – избавляется от нее. Если какого-то крестьянина подкупил продавец с более тугим кошельком, Чапо от него избавится. Если водитель грузовика, набитого наркотой, напился накануне и вовремя не доставил партию, Чапо от него избавится. Просто и эффективно.

Чапо быстро зарекомендовал себя надежным человеком и за несколько лет стал одним из наиболее приближенных к Крестному Отцу. У него молодой Хоакин научился многим вещам, среди которых была одна, самая важная: как выжить в мире наркоторговли. Точно так же как и Феликс Гальярдо, он вел по сути спокойную жизнь без лишней показухи и выкрутасов. Чапо был женат четыре раза, у него было девять детей, но его никогда не окружали толпы женщин.

Когда Крестного Отца арестовали и началась борьба за право наследовать ему, Чапо решил остаться верным заветам своего наставника. Он действовал методично, чтобы его власть не бросалась в глаза. Он хотел, чтобы с ним рядом были родственники, хотел, чтобы его окружение и защита были построены на кровных связях. Для всех остальных существовало одно лишь правило: кто ошибается, расплачивается жизнью. Он переехал из Синалоа в Гвадалахару, тот самый город, что стал последним местом пребывания Крестного Отца, а его группировка базировалась в Агуа-Приета, маленьком городке в штате Сонора, выгодно расположенном прямо на границе Соединенных Штатов. Этот выбор говорит сам за себя – таким образом Чапо остается в тени и из тени управляет непомерно растущей империей. Он путешествует инкогнито. Люди начинают

рассказывать, будто узнали его, но это правда лишь в одном случае из ста. Для перевозки наркотиков в Штаты Чапо и его подчиненные используют все возможные способы – самолеты, грузовики, автовагоны, автоцистерны, машины, подземные туннели. В 1993 году был обнаружен еще не законченный туннель – длиной почти четыреста пятьдесят метров, проложенный на глубине около двадцати метров, – который должен был соединить Тихуану с Сан-Диего.

Это были годы покушений, сведения счетов, побегов и убийств. 24 марта 1993 года враждебный картель Тихуаны нанимает несколько проверенных киллеров, чтобы поразить картель Синалоа, что называется, в самое сердце. В тот день в аэропорту Гвадалахары должны были приземлиться два важных человека: Чапо Гусман и местный архиепископ, кардинал Хуан Хесус Посадас Окампо, который постоянно боролся с властью наркоторговцев. Киллеры знали, что Чапо ездит на белой “меркури гранд маркиз”, обязательном атрибуте любого наркобарона. Но и у кардинала была такая же машина. Убийцы, нанятые Тихуаной, открыли огонь по “меркури”, которая, как они думали, принадлежала главе Синалоа; кто-то – возможно, телохранители Чапо – начал отстреливаться. За считанные секунды парковка перед аэропортом превратилась в ад. В перестрелке были убиты семь человек, в том числе и кардинал Посадас Окампо, в то время как Чапо, сбежав через служебную парковку, остался цел и невредим. Годами многие задавались вопросом, действительно ли в то утро судьба сыграла со священником дурную шутку, или же целью киллеров было убрать неудобного архиепископа Гвадалахары. Только недавно ФБР объявило о том, что раскрыло эту загадку: это было трагическое недоразумение.

9 июня 1993 года Чапо арестовали. Тюрьма особо строгого режима “Пуэнте-Гранде”, куда его перевели в 1995 году, постепенно становится новой базой, откуда он продолжает управлять делами. Однако по прошествии восьми лет Чапо больше не может позволить себе оставаться за решеткой: Верховный суд принял закон, значительно упрощающий экстрадицию в Америку мексиканцев, которым предъявлены обвинения за границей. Перевод в американскую тюрьму значил конец всего. Выбор Чапо пал на вечер 19 января 2001 года, когда ожидался визит делегации высокопоставленных мексиканских чиновников, полных решимости положить конец развалу тюрьмы. Но Чапо совершенно не волнуется по этому поводу: он уже давно готовит побег и подкупил надзирателей звонкой монетой. И один из них, Франсиско Камберос Ривера по прозвищу Чито, открывает дверь камеры и сажает его в тележку с грязным бельем. Они проходят через неохраняемые коридоры и распахнутые двери. Добираются до внутренней парковки, где дежурит всего один охранник. Чапо выпрыгивает из тележки и забирается в багажник “шевроле монте-карло”. Чито

заводит мотор и везет Чапо навстречу свободе.

Теперь Чапо для всех герой и легенда. Он лишь продолжает управлять своим картелем с помощью наиболее приближенных подельников: Исмаеля Самбады Гарсии по прозвищу Майо, Игнасио Коронеля Вильяреала (“Начо”), убитого 29 июля 2010 года в ходе рейда мексиканской армии, и своего советника Хуана Хосе Эспаррагосы Морено по прозвищу Асуль, что значит “Синий”, – так его прозвали за очень темный цвет кожи. С самого зарождения картеля Синалоа в 1989 году именно они неизменно стояли во главе наркоторговли в Мексике.

В течение нескольких лет Чапо сотрудничает с людьми Бельтранов Лейва, семейства четырех братьев, которые легко управлялись со взятками и угрозами; особенно хорошо им удавалось проникать в политическую и судебную системы, а также в ряды мексиканской полиции. У них есть зацепки даже в бюро Интерпола при американском посольстве и в аэропорту Мехико. Именно поэтому картель Синалоа решил завербовать их. Такая форма организации, какую представляли собой Бельтраны Лейва, подобие небольшой армии под семейным началом, с конца 1990-х годов стала удобной для больших картелей. Чапо доверял им. Они всегда оставались рядом, даже когда его авторитету что-то угрожало. Например, через два года после его побега, когда штат Тамаулипас, и особенно окрестности Нуэво-Ларедо[16 - Пограничный город, отделяемый рекой Рио-Гранде от города Ларедо в США.], где освободилось место у руля, захлестнула ожесточенная борьба за контроль над путем в Техас. Это был важный коридор, так как он выходил прямо на знаменитое шоссе I-35, автомагистраль, по которой передвигалось до 40 % всех наркотиков, прибывавших из Мексики. Но для наркоторговцев не существует свободных мест. А если и существуют, то ненадолго. Занять территорию – первое правило, и как только босс выходит из игры, сразу же появляются претенденты на его место. Чапо поручил одному из четырех братьев Бельтранов Лейва, Артуро, занять северо-восток Мексики раньше, чем это сделают другие. Тот формирует вооруженную группировку “Негрос” и находит нужного человека, чтобы управлять ей.

Эдгара Вальдеса Вильяреала называют Барби – это прозвище ему дали еще в юности. Тренер футбольной команды в одном из колледжей Ларедо, глядя на этого крупного светловолосого парня с голубыми глазами, сказал: “Ты похож на Кена. Но для меня ты будешь Барби”. Однако американская мечта для Барби – не колледж и даже не более комфортабельный дом по сравнению с тем, что мог позволить себе отец-иммигрант. Его мечта – море денег, которое можно было

заработать по ту сторону границы, в Нуэво-Ларедо. Привлекательности Барби добавил его американский паспорт. Ему нравились женщины, а он нравился им. У него страсть к одежде Версаче и роскошным машинам. Трудно найти человека, менее похожего на Чапо, но тот умел не поддаваться первому впечатлению. Он чувствовал запах крови, пропитавшей землю Нуэво-Ларедо, и ненасытное желание новобранца самоутвердиться. “Негрос” должны были сразиться с “Сетас”, вооруженным крылом картеля Мексиканского залива, которое славилось своей склонностью к эффектному кровопролитию. Барби с радостью согласился и решил использовать в борьбе с противником его же оружие: короткий ролик на YouTube с поставленными на колени людьми; некоторые – голые по пояс; на всех заметны следы побоев. Это члены “Сетас”, и они приговорены к смерти. Если “Сетас” использовали интернет для устрашения, то “Негрос” будут делать то же самое; это некая эскалация жестокости, которая перекочевала с улиц на веб-страницы, бесконечно воспроизводясь и питаясь сама собой.

Страх и уважение идут рука об руку, это две стороны одной медали – власти. Одна из сторон этой медали блестит и сияет, другая – затертая и матовая. Кровавая слава вызывает у соперников страх, но не уважение, это не та сияющая позолота, что позволяет открыть любую дверь без необходимости ломать ее. Это вопрос поведения: чтобы быть первым, нужно уметь показать всем, что ты первый. Это игра, в которой нужно угадать карту, а у тебя в руках колода, ты тот, кто всегда выигрывает. Поэтому Чапо никогда не довольствуется достигнутым. Поэтому после захвата Нуэво-Ларедо он решил заполучить и Сьюдад-Хуарес, еще один узловый пункт на границе со Штатами, который традиционно контролировали люди Каррильо Фуэнтеса.

И снова в игру вступили “Негрос”, и сентября 2004 года Родольфо Каррильо Фуэнтес, вместе со своим братом Висенте державший капитал картеля Хуареса, был убит на парковке у выхода из кинотеатра в Кульякане, в самом сердце территории Синалоа. Он был вместе с женой, но его телохранитель не смог помешать людям Чапо, которые открыли огонь со всех сторон и буквально изрешетили тела супругов пулями. В этом нападении содержалось недвусмысленное послание: Синалоа уважает босса картеля Хуареса, Амадо Каррильо Фуэнтеса, старшего из братьев, но больше не уважает его семью. Шаг к войне очень короткий, и действительно – месть картеля Хуареса не заставила себя ждать. Висенте заказал одного из братьев Чапо, Артуро по прозвищу Пойо – “Петух”, который был убит 31 декабря в тюрьме особо строгого режима в

Альмоллойя-де-Хуаресе. Для Чапо это был сильный удар, который, впрочем, не заставил его отступить. У Винсенте не было ни способностей, ни связей, как у брата; он не пользовался тем уважением, какое все наркоторговцы испытывали к Амадо. Человек вроде него не мог как следует управлять таким важным участком, как “пласа” Хуареса. В течение нескольких лет этот пограничный город оставался ареной непрерывной борьбы между людьми Чапо и братьев Каррильо Фуэнтес. Но в конце концов Чапо окажется сильнее, подорвав саму основу группировки своих заклятых врагов.

Идея превратить картель Хуареса из сборища бандитов в клан джентльменов, члены которого должны были носить итальянскую одежду от Бриони и Версаче, принадлежала Амадо Каррильо Фуэнтесу. Внешний вид прежде всего, даже когда ты закован в наручники, а журналисты, собравшиеся вокруг твоей виллы, пытаются запечатлеть тебя на фото в белоснежном спортивном костюме Abercrombie с вышитыми на груди буквами NY – как это было в 2009 году с сыном Амадо, Висенте Каррильо Лейвой. Амадо вырос в тесном контакте с наркокартелями. Его дядей был Эрнесто Фонсека Каррильо, Дон Нето, глава картеля Гвадалахары и подельник Крестного Отца. Жестокость была для него каждодневной пищей. Но тот, кто растет, питаясь плодами жестокости, знает, что это – ресурс и, как и все ресурсы, его надо расходовать экономно, иначе он быстро закончится. Деньги подчас куда более эффективны; поэтому уважение, которым со временем смог заручиться Амадо, стало и следствием его щедрых подачек собственным людям, спортивных машин, подаренных представителям власти, крупных пожертвований на строительство церквей – вроде той, что, говорят, он возвел в своей родной деревне Гуамучилито.

Амадо унаследовал картель, основанный в шестидесятых годах Рафаэлем Агиларо Гуахардо, который позже со звериной жестокостью вступил в борьбу за контроль над торговлей и перевозкой наркотиков между Мексикой и Штатами. Вечный соперник Тихуаны и Залива, его картель смог воспользоваться своим стратегическим положением на границе у американского города Эль-Пасо. Это важная традиция, которую нужно бережно хранить. Амадо был подходящим человеком. Внимательный, терпеливый, изворотливый, он двигал пешками, не марая при этом рук. Его излюбленным оружием были денежные вложения. Он умел оросить нужные каналы, чтобы обеспечить себе неоспоримое преимущество – вроде целой флотилии “боингов 727”, которые Амадо использовал для перевозки кокаина из Колумбии в Мексику. Но чтобы покрыть последний участок пути, от Мексики до Соединенных Штатов, “боинги” были непригодны. Нужен был более легкий и подвижный транспорт, вроде самолетов “сессна”[17 - Крупнейший производитель малых самолетов.] компании

воздушного такси Таксепо, главным акционером которой и стал Амадо. С тех пор его стали называть El Senor de los Cielos, “Повелитель небес”.

Кокаиновая война велась с постоянным учетом статей бюджета. Большая часть расходов – пять миллионов долларов в месяц – предназначалась для раздачи взяток полицейским, чиновникам и военным по всей Мексике, для зарплат, для подарков. Другой важной расходной статьёй были траты на представительство; например, на так называемый “Замок тысячи и одной ночи”, который приобрел Амадо в Эрмосильо, штат Сонора. Самым вызывающим образом расположенный в нескольких сотнях метров от резиденции губернатора, замок был похож на безвкусные царские палаты, луковками куполов напоминая русские православные церкви и здания Кремля, а белым цветом стен – дворцы махараджей. Это драгоценное укрытие оставалось недоступным даже для ближайших приближенных – прежде чем быть принятыми лично боссом, они должны были побывать в когтях Флако, “административного директора” Амадо и ответственного за внешние сношения картеля Хуареса с политическими и военными организациями. Рассказывают, будто, когда Повелитель Небес не был еще настолько известен, он любил появляться в “Очоа Бали Хай”, одном из самых известных ресторанов Мехико. Он садился за столик рядом с уборной и заказывал себе тройную порцию морепродуктов, а своим остававшимся снаружи охранникам – все, что те пожелают. Потом он вставал, расплачивался долларами и, оставив щедрые чаевые официанту и повару, выходил так же, как и вошел, – как обычный посетитель. Даже попав в тюрьму за незаконное хранение оружия и угон машины, он не отказался от прежних привычек: дорогих вин, красивых девушек и полного доступа к своим связям.

Никто не знал маршрутов передвижения Амадо, который постоянно разъезжал между своими многочисленными резиденциями по всей стране. Его эксцентричность и склонность к хвастовству уравнивались осторожной финансовой политикой и повышенным вниманием к безопасности, делая из него идеального наркоторговца. Красивого и жестокого, умного и дерзкого, храброго и чувствительного – эдакого современного героя. Он установил связи с некоторыми боссами Гвадалахары, получил контроль над аэропортами и тайными тропами, подкупил Хосе де Хесуса Гутьерреса Ребольо, главу Национального управления по борьбе с наркотиками, который вместе со своими людьми стал его личной маленькой армией и, опираясь на разветвленную сеть информаторов, за многомиллионные взятки стер с лица земли врагов и конкурентов Амадо. Он планировал даже заключить соглашение с федеральным правительством: государство получило бы половину всего его дохода, его сотрудничество, необходимое для того, чтобы прекратить борьбу между

картелями, и гарантию того, что наркотики пойдут не в Мексику, а в Штаты и Европу; а он, Амадо, – спокойствие и мирную обстановку для дальнейшего ведения дел.

Но на это не хватило времени.

2 ноября 1997 года на скоростном шоссе, ведущем из Мехико в Акапулько, полиция сделала ужасную находку. Три трупа в бочках, наполненных застывшим цементом, принадлежали трем известным пластическим хирургам, пропавшим несколько недель назад. Когда тела были извлечены из бочек, на них обнаружили следы пыток, которым подверглись жертвы до наступления смерти: вырванные глаза и сломанные кости. Их били так сильно, что одно из тел даже пришлось перевязать, чтобы мышцы прилегали друг к другу. Двоих задушили проводами, третьего прикончили выстрелом в затылок. В чем они провинились? В том, что осмелились оперировать Амадо Каррильо Фуэнтеса, который, как и многие наркоторговцы, хотел изменить внешность. Четырьмя месяцами ранее, 4 июля 1997 года, Повелитель Небес скончался в палате номер 407 больницы святой Моники в Мехико после липосакции и пластической операции, на которую был отправлен под вымышленным именем. Излишняя доза дормикума, сильного обезболивающего, используемого после операции, стала для него смертельной. Его сердце, уже сильно ослабленное кокаином, не выдержало. На самом деле до конца неизвестно, было ли то убийство, халатность или естественный ход событий. Необъяснимая смерть всевластного владыки порождает легенды о его бессмертии, но также и множество сплетен, которые теперь уже остаются без наказания. Кто-то говорит, что Амадо убило его собственное тщеславие; но куда более вероятно, что он пытался изменить свой облик, чтобы скрыться от сил правопорядка и врагов. С боссом Хуареса будто сыграла дурную шутку судьба: он провел всю жизнь прячась и потерял ее окончательно именно в попытке сделать так, чтобы его никогда уже не нашли.

Со смертью Амадо на вершине власти образовалась пустота. Руководство картелем перешло к его брату Висенте, но отношения семейства Каррильо Фуэнтесов с соперниками становились все менее устойчивыми. В 2001 году, после того как Чапо Гусман сбежал из тюрьмы, многие члены картеля Хуареса решили последовать за ним и перейти в картель Синалоа. 9 апреля 2010 года агентство Ассошиэйтед Пресс объявило об окончательной победе Синалоа в борьбе с картелем Хуареса. Но эта журналистская эпитафия не помешала картелю Хуареса и дальше продолжать войну. Войну, превратившую Сьюдад-Хуарес в самый опасный и жестокий город в мире: за год там было

зарегистрировано почти две тысячи убийств.

В июле 2010 года на одной из улиц города взорвался заминированный автомобиль. Бомба, начиненная десятью килограммами взрывчатки и приведенная в действие звонком мобильного телефона, убила агента федеральной полиции, а также врача и музыканта, проживавших в том квартале. Последние вышли на улицу, услышав выстрелы, чтобы помочь человеку, который лежал на земле и был одет в полицейскую форму, но который, как признались позже арестованные наркоторговцы, был всего лишь приманкой, чтобы привлечь внимание федералов. Недалеко от места покушения было обнаружено послание, написанное на стене черной краской из баллончика: “То, что случилось на улице 16 сентября, случится со всеми представителями власти, которые продолжают поддерживать Чапо. С уважением, картель Хуареса. Так или иначе, у нас еще остались бомбы”.

“Карне асада! Жареное мясо!” – на переполненных улицах Сьюд ад-Хуареса каждый день можно было слышать эти слова. Если бы не тревожные интонации и напряжение в голосе, можно было бы подумать, что это два мексиканца договариваются о воскресном барбекю. На самом деле это шифр, который использовали наркоторговцы, говоря об убитых людях. Ведь в то время бойня продолжалась как ни в чем не бывало. Обезглавленные и изувеченные тела, выставленные на всеобщее обозрение, чтобы держать народ в страхе. Тела вроде того, что принадлежало адвокату Фернандо Рейесу, которого задушили, надев на голову полиэтиленовый пакет, а потом несколько раз ударили лопатой по голове, бросили в яму и забросали сверху негашеной известью и землей.

В попытке прикрыть картель Хуареса мексиканская прокуратура назначает награду в 30 миллионов песо за голову Висенте по прозвищу Вице-король, ставшего после смерти своего брата Амадо королем организации. Соединенные Штаты предлагают за него пять миллионов долларов. 9 октября 2014 года федеральная полиция без единого выстрела захватывает Висенте в Торреоне, штат Коауила. Его остановили на блокпосту, где он предъявил документы на имя Хорхе Санчеса Мелии, но федералы шли по его следу много месяцев, и их не проведешь – он глава одного из самых жестоких картелей, которые когда-либо видела Мексика. Вместе с Висенте арестовывают и неперемнную охрану, без которой мексиканские наркобароны и носа не кажут из своих убежищ. Арест Висенте мог бы лишить власти картель Хуареса, как на то и рассчитывали мексиканские власти; а мог бы, как это не раз уже случалось в прошлом, просто привести к появлению вакуума, который заполнят новые ужасы насилия и

варварства.

“Карне асада! Карне асада!”

Чапо не показывает свой гнев другим. Это бесполезно. А вот что полезно, так это убивать тех, кто того заслуживает. Но даже приводя в исполнение этот окончательный приговор, он не позволяет себе ни малейшего проявления эмоций. Он рациональный кровопийца, этот Чапо. А вот Мочомо – так зовутся в Синалоа красные песчаные муравьи, способные съесть все и выжить в любых условиях, – его полная противоположность. Агрессивный, кровожадный, безотчетный. Он любит красивую жизнь, любит, когда его окружают женщины. В его домах царит постоянная суeta и движение. Мочомо, он же Альфредо Бельтран Лейва, – тот, кому братья доверили находиться на виду. Но Чапо знает, что Альфредо опасен. Он слишком распускает хвост, а это делает его легкой мишенью, – не самая полезная привычка, когда нужно скрываться от правосудия. И вот настает момент бить тревогу: Чапо узнает, что Бельтраны Лейва ведут переговоры с “Сетас”. Распад неизбежен. А у мексиканских наркоторговцев любое завершение сотрудничества, даже по взаимной договоренности, всегда сопровождается реками крови.

Альфредо Бельтрана Лейву вместе с тремя членами его личной охраны берут под арест в Кульякане в январе 2008 года. У него находят около миллиона долларов, элитные часы и небольшой арсенал, включающий несколько разрывных гранат. Это серьезный удар для Синалоа, ведь Альфредо контролировал передвижение больших партий товара и их продажу, занимался отмыванием денег внутри организации, а также подкупом агентов полиции. Он – министр иностранных дел картеля. Но несмотря ни на что, для клана Бельтранов Лейва – а они начали мстить, убив первым делом агента федеральной полиции, который произвел арест, – за задержанием Альфредо не мог стоять никто, кроме самого Чапо, который так пытался избавиться от бывших друзей. Нужно было ответить соответствующим образом; и понять, куда именно бить, было несложно.

Эдгару Гусману Лопесу всего двадцать два года, но впереди у него – блестящая карьера. Он сын Чапо. Однажды в компании друзей он поехал прогуляться в один из торговых центров Кульякана. Посмотреть на витрины, на девушек. День как день. Они шли к оставленной на парковке машине, когда заметили, что в их направлении движется группа из пятнадцати мужчин, одетых в форму и голубые

бронежилеты. Они передвигались как армейский отряд, и ребята застыли на месте как вкопанные. Прежде чем по ним открыли огонь, мальчики успели прочесть на бронежилетах надпись “FEDA”. Fuerzas Especiales de Arturo, “Войска особого назначения Артуро”. Они подчиняются Артуро Бельтрану Лейве по прозвищу Барбас, который несколькими годами ранее использовал свои качества военачальника для формирования “Негрос”. Готовясь порвать с картелем Синалоа, он создал отряд, устройством своим и дисциплиной напоминающий армейский или спецподразделение полиции и обладающий тяжелым вооружением вроде того, что есть у бойцов НАТО (например, пистолетом-пулеметом “П-90”). Они занялись охраной боссов и расправой с наемниками враждебных картелей. На дворе 2008 год. На крови сына Чапо Артуро Бельтран Лейва вместе с четырьмя своими братьями основывает картель, носящий их имя. Они занимаются продажей кокаина, марихуаны и героина, благодаря, в числе прочего, полному контролю над самыми крупными аэропортами штатов Мехико, Герреро, Кинтана-Роо и Нуэво-Леон. Помимо этого в их деятельность входит торговля людьми, сутенерство, отмывание грязных денег через отели, рестораны и курорты, вымогательство, похищения и торговля оружием. Они контролируют коридоры, по которым по всей Америке, от юга до севера континента, передвигаются тонны наркотиков. Это маленький и молодой картель, но они полны решимости отхватить себе неплохой кусок пирога власти. Однако мексиканские власти хотят пресечь этот семейный бизнес на корню. Поэтому они и воспользовались возможностью, которую им предоставил сам Артуро вечеринкой, которую он устроил зимой 2009 года.

Для Барбаса Рождество не праздник, если не повеселиться вволю. В этот раз он не пожалел денег и пригласил в свой дом, расположенный в одном из самых фешенебельных кварталов города Куэрनावака в штате Морелос, таких артистов, как “Лос Кадетес де Линарес” и Рамон Айала[18 - Оркестр “Лос Кадетес де Линарес” и певец Рамон Айала прославились исполнением корридо, традиционных для севера Мексики баллад, которые остаются любимой музыкой организованной преступности – существует даже отдельная их разновидность, воспевающая жизнь торговцев наркотиками (так называемые наркoкорридо)]. Айала – певец, дважды получавший премию “Грэмми” и дважды – “Латинскую Грэмми” и выпустивший более сотни альбомов. Им составляет компанию не меньше двадцати девушек из эскорт-агентства. Спецназ мексиканского флота окружил здание. В результате перестрелки несколько людей было убито. Но не Артуро, которому удалось бежать. Моряки идут по его следу и меньше чем через неделю обнаруживают его в другом жилом квартале. На этот раз он не должен уйти, и дело устраивается с большим размахом: двести спецназовцев, два вертолета и два небольших армейских танка. Стычка длится около двух часов;

в итоге Артуро и четверо его людей убиты. По интернету разошлось фото с телом Барбаса: спущенные штаны – так, что видны трусы, – и задранный футболка, открывающая обнаженный торс, покрытый многочисленными амулетами и усыпанный бумажными песо и долларами. Последнее унижение врага. Военные утверждают, что даже не притронулись к трупам, но очень сильно подозревают, что способы унижить противника, столь любимые новыми картелями вроде “Сетас” и тех же Бельтранов Лейва, начинают влиять на людей, которым платят, чтобы они положили этому конец. Военные и наркомафия все больше похожи друг на друга.

Сразу после смерти Артуро Бельтрана Лейвы картель начал мстить: были убиты четверо родственников одного из морских пехотинцев, погибшего в ходе операции. Тем временем перед могилой Барбаса на кладбище Хардинес-дель-Умайя в Кульякане кто-то положил отрубленную голову. Дней через десять после этого брат Артуро, Карлос Бельтран Лейва, был арестован федеральной полицией в Кульякане при попытке предъявить фальшивое водительское удостоверение. По некоторым слухам, информацию для его поимки полиция предоставил Чапо. После смерти Артуро внутри картеля начинается борьба за власть. С одной стороны – бывшие заместители босса, Эдгар Вальдес Вильяреаль по прозвищу Барби и Херардо Альварес Васкес по прозвищу Индио, с другой – банда, во главе которой стоит Эктор “Аче” Бельтран Лейва и его доверенное лицо, Серхио Вильяреаль Барраган, бывший агент мексиканской федеральной полиции, он же Гранде или Кинг-Конг – так его прозвали за более чем двухметровый рост. Все они будут арестованы в 2010 году, кроме Эктора, который в тот момент берет на себя управление остатками картеля. За его голову Соединенные Штаты назначили вознаграждение в размере пяти миллионов долларов, а правительство Мексики – тридцати миллионов песо. Этот в некотором роде финансовый гений благодаря своим навыкам в ведении бизнеса после многих лет безвестности смог взять под контроль группировку и остаться в хороших отношениях с новыми союзниками, “Сетас”. Но и он выбывает из гонки. 1 октября 2014 года Эктора арестовывают в Сан-Мигель-де-Альенде, штат Гуанахуато. Армейский спецназ врывается в ресторан, в котором тот наслаждается ужином с морепродуктами в компании финансового консультанта картеля. Напрасно он выдает себя за арт-дилера с утонченными манерами – при обыске у него и его сотрапезника обнаруживают пистолеты, которые состоят на вооружении только у федеральной полиции. Однако со своей фирменной элегантностью он позволяет надеть на себя наручники, не оказав ни малейшего сопротивления.

Эктор был последним из братьев Бельтранов Лейва, остававшихся еще на свободе. Его поимка, рассчитывают мексиканские власти, значительно ослабит влияние картеля в стране. Но в мире наркоторговли троны недолго остаются пустыми. Единственный вопрос, которым надо задаваться в таких случаях: “Кто станет новым лидером?”

Война между Бельтранами Лейва и старыми членами Синалоа прошла огнем и мечом не только по Кульякану и Синалоа, но дошла и до Соединенных Штатов, до Чикаго, где орудовали близнецы Маргарито и Педро Флоресы, американцы мексиканского происхождения. Их флотилия грузовиков двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю соединяет Лос-Анджелес с городами Среднего Запада. Они серьезные и успешные дельцы. Своим заказчикам они обеспечивают доставку – от границы до берегов озера Мичиган – до двух тонн кокаина и героина в месяц. Но их проблема – ненасытность: они работают не только с картелем Синалоа, но не гнушаются вести дела и с Бельтранами Лейва. Когда Чапо узнает об этом, он посылает в Чикаго несколько людей и дает им указание проследить, чтобы его монополию по распространению кокаина не подрывала деятельность враждебных картелей. Пока Флоресы получают угрозы от Синалоа, близнецов замечает Управление по борьбе с наркотиками и в 2009 году арестовывает их. Благодаря показаниям Маргарите и Педро, пошедших на сделку со следствием, американцам удастся добавить несколько деталей в головоломку операций Чапо и братьев Бельтранов Лейва.

Несколькими месяцами ранее правительство Штатов нанесло королю Синалоа еще один удар: на территории страны было арестовано семьсот пятьдесят членов картеля. Это настоящая армия – американские президенты мало говорят об этом, но в границах страны находятся целые легионы преступников. В результате длившейся двадцать один месяц операции в различных штатах, от Восточного до Западного побережья, было конфисковано более пятидесяти девяти миллионов долларов наличными, более двенадцати тысяч килограммов кокаина, более семи тысяч килограммов марихуаны, более пятисот килограммов метамфетамина, около миллиона трехсот тысяч таблеток экстази, более восьми килограммов героина, сто шестьдесят девять единиц оружия, сто сорок девять машин, три самолета и три лодки. Впрочем, этот огромный успех оказался пирровой победой[19 - Победа, доставшаяся слишком дорогой ценой и равносильная поражению. Выражение восходит к рассказу Плутарха о сражении эпирского царя Пирра с римлянами, после которого тот заявил: “Еще одна такая победа, и я останусь без войска”.]. Власти Соединенных Штатов смогли взглянуть в глаза картелю Синалоа и увидели, что это международная организация с развязками и ответвлениями по всему миру, в совете директоров

которой заседают суперменеджеры, ведущие дела в любом уголке планеты. Управляющие на руководящих позициях, работа которых оплачивается картелем, выполняют роль опорных пунктов во множестве местечек Южной Америки. СМИ молчат, а в это время Чапо завоевывает Западную Африку и, согласно некоторым сведениям, пробирается в Испанию.

Наркотики для Чапо – это способ получить абсолютную власть над шестьюстами восемью километрами границы между Мексикой и Аризонай и маховое колесо его личной экономики. И если нужно отправиться на поиски новых приключений, ничего страшного, даже если для этого нужно заняться “льдом”. Который вовсе не лед, а кристаллы метамфетамина. Шесть, двенадцать часов и даже дольше – вот сколько длится его действие. Он стоит дешевле кокаина, быстрее приводит тебя в негодность, и если перебрать, появляется эффект паразитов – ты чувствуешь, будто у тебя под кожей ползают черви, начинаешь расчесывать себя до крови, чтобы разодрать кожу и избавиться от незваных гостей. Но это побочный эффект от наркотика, который в остальном вызывает те же последствия, что и кокаин, только более обширные и жуткие. Спрос на него только растет, но нет босса – того, кто мог бы превратить эту потенциальную возможность в денежный поток. Чапо понимает происходящее, и картель Синалоа уже готов к действию. У него есть человек, который может вести новый бизнес: Игнасио Коронель Вильяреаль, ставший впоследствии Королем Кристаллов. Чтобы производить метамфетамин, нужны лишь определенные химические вещества и подпольные лаборатории. Если есть налаженные связи на тихоокеанском побережье, доставить груз прекурсоров метамфетамина из Китая, Таиланда или Вьетнама несложно. Дело хорошо окупается: вкладываешь доллар в сырье, а на улице выручаешь десять.

Это – техника Синалоа. Их коммерческие способности. Чуткий нюх на любой новый бизнес. Синалоа колонизирует. Синалоа все больше продвигается вперед. Синалоа хочет управлять всем. Только их картель. Только они.

На той земле, где наркоторговля остается главной экономической силой по объему оборотов, самый могущественный лидер этого рода деятельности стоит поболее любого министра.

Чапо ясно видит свое время: западный мир больше не справляется, его ценности противоречат логике рынка, а значит, странам Запада необходимы территории, где бы не действовали законы и правила. В Мексике есть кока, а в США –

потребители; в Мексике с достатком хватает дешевой рабочей силы, а США она нужна как воздух; в Мексике есть бойцы, а в США – оружие. Мир наполняют несчастные люди? А вот и ответ: кокаин. Чапо понял это. И так он и стал королем. В международном мире наркоторговли он пользуется мистической властью папы римского, авторитетом Обамы, а его гениальная способность прозревать новые ниши на рынке превращают его в настоящего Стива Джобса коки.

И вот поэтому 22 февраля 2014 года войдет в историю Мексики и всего мира. В этот день Хоакина Гусмана Лозэйру по прозвищу Чапо, самого разыскиваемого наркоторговца планеты, захватывают вместе с одним из его подельников. В 6:40 утра по местному времени, в апартаменте Miramar, в самом центре Масатлана, штат Синалоа, в ходе масштабнейшей совместной операции мексиканских военно-морских сил и американского УБН, в которой были задействованы два вертолета и шесть артиллерийских подразделений, хоть дело и обошлось без единого выстрела. Самый опасный беглец от закона во всей Мексике, за поимку которого была назначена награда в пять миллионов долларов, прятался в Синалоа. Быть может, за эти тринадцать лет жизни в бегах он так и не покидал этого края, которому был обязан своим величием и защитой.

Военная операция по его поимке стартовала десятью днями ранее – силам правопорядка удалось выявить несколько резиденций в Кульякане, оплоте Чапо, где он имел обыкновение проводить много времени. Непревзойденный мастер рыть туннели, по которым наркотики переправлялись через границу в США, он смог извлечь из этого умения пользу и скрываясь от закона: иные из этих домов соединялись между собой подземными ходами. Военные несколько раз были в шаге от поимки босса, но ему удавалось скрыться. Однако в последние месяцы удалось арестовать многих членов картеля Синалоа; доверенный круг Чапо сужался все больше. В начале недели при обыске в доме его бывшей жены Грисельды Лопес нашли оружие и подземный ход, сообщавшийся с системой канализации. Как раз по канализации Чапо и перебирался из одной части города в другую, из туннеля в туннель, из убежища в убежище.

Но самое удивительное – что Чапо схватили в одном из отелей Масатлана, на популярном курорте. Он не скрывался, как многие полагали, где-нибудь в горах Сьерры. Однако даже и в городе Чапо не позволял себе ничего лишнего: самое заурядное здание с довольно бедно обставленным лобби и номером без затей, как он всегда и жил.

За новостями о его задержании в Мексике следили с таким же напряжением, как за финалом чемпионата мира по футболу, и с гораздо большим интересом, чем за президентскими выборами. Слухи об аресте или даже убийстве Чапо ходили годами, так что 22 февраля никто не мог поверить, что босс и правда пал. Тысячи твитов: “А это и впрямь он? А где же тогда доказательства?”, “Пока не увижу фото Чапо в наручниках – не поверю”, “Чапо есть Чапо, им его не схватить!”. Многие не скрывают разочарования и солидарности с боссом Синалоа; такие твиты нередко пишутся на английском. Появился даже хэштег #FreeCharo, “свободу Чапо”. И эти твиты больше говорят о реальном положении в мире сегодня, чем многие статьи в журналах или выступления политиков.

Подтверждение поимки Чапо вызвало почти такое же возбуждение, как и сама поимка. Поначалу все сведения были сугубо неофициальными. Первым эту новость сообщило в 9:54 агентство Ассошиэйтед Пресс, которому слил информацию об аресте американский чиновник, пожелавший остаться неизвестным. Идут часы, а мексиканские власти не дают подтверждения. А тем временем слухи о поимке Чапо распространяются по всему интернету. Пресс-конференцию, которую мексиканские власти назначили на 11:30, отменяет государственный секретариат, порождая дальнейшие предположения, что на самом деле поймали все же не Чапо. Однако появляется и фото усатого мужчины с обнаженным торсом, которого задерживает военный в камуфляже. Выглядит он точь-в-точь как Чапо, но ведь последние официальные фото босса были сделаны тринадцать лет назад, может статься, что это просто кто-то очень на него похожий. Все ждут подтверждения, затаив дыхание. В 12:08 министр внутренних дел Мигель Анхель Осорио Чонг анонсирует новую пресс-конференцию в 13:00. Подтвердят или опровергнут? После того как в 12:33 мексиканские власти подтверждают поимку Чапо Си-эн-эн, сомнений все меньше. Но официального коммюнике пока еще нет. Поклонники Чапо все еще могут надеяться, что это какое-то ужасное недоразумение. В 13:20 его фото исчезает из списка самых разыскиваемых преступников УБН. Это подтверждение со стороны американцев. Они едва опередили мексиканцев: буквально через несколько минут президент Энрике Пенья Ньето твитом выражает свою признательность за работу, проделанную силами правопорядка. Но на самом деле он поздравляет самого себя за самый громкий успех с начала его президентского мандата. В 14:04 вертолет федеральной полиции приземляется перед журналистами, собравшимися в ангаре ВМФ. На конференции власти окончательно подтверждают то, что теперь знают уже все: Чапо схватили. Они объясняют, где и как произошел арест. Генеральный прокурор Республики перечисляет задержанных и имущество, на которое наложен арест: 13 человек, 97 единиц длинноствольного оружия, 36 пистолетов, 2 гранатомета, 43

автомобиля, 16 домов и 4 фермы. Не хватает лишь одной детали – главного героя. А вот и он появляется на сцене в 14:11: фотографии запечатлевают его в тот момент, когда он пересекает площадку, чтобы подняться на борт полицейского вертолета. Черные джинсы, белая рубашка, ухоженная шевелюра и усы. Военные моряки в камуфляже держат его за руки, пригибают ему голову; выглядит он немного устало и не так уж самоуверенно. Прессе его не представляют, подтверждением ареста служат только эти фотографии. В 15:00 в новостях объявляют, что Чапо вновь за решеткой в тюрьме “Альтиплано”, что находится в Альмолойе-де-Хуарес, штат Мехико.

Парой годов ранее Чапо установил еще одну связь с Соединенными Штатами. В августе 2011 года его молодая жена Эмма, гражданка США, преспокойно разрешилась от бремени в одной из клиник Ланкастера под Лос-Анджелесом двумя девочками-близнецами. УБН было в курсе, но не могло ничего поделать, ведь Эмма, двадцати двух лет о ту пору, была чиста перед законом. Ее сопровождали люди Чапо. Единственная предосторожность – в свидетельства о рождении девочек молодая мать не стала вписывать имя отца. Но все знают, чьи это дочери.

После официального подтверждения ареста Чапо наряду с торжествующими сообщениями мексиканских и американских властей в социальных сетях слышится и голос простых людей, которые видят в Чапо героя, благодетеля, мексиканское божество. Самая частая реакция – отрицание. “Чапо не такой простак, чтобы дать себя сцапать”, “Чапо слишком умен, чтобы попасть за решетку”, “да не может быть, чтобы его схватили в двух шагах от его оплота”. Как будто это Чапо сам срежиссировал всю эту историю, как будто он сам выбирал подходящий момент, чтобы попасться. Гипотезы появлялись самые разнообразные: возможно, Чапо, сделавшись уже “слишком важным с политической точки зрения”, почуял, что только арест главаря позволит его картелю продолжать делать бизнес. Или же он понял, что вот-вот разразится кровавая междоусобица и если он не отойдет сейчас в сторону, то его уничтожит новое поколение синалоанцев, которое уже нацелилось на его место. Кое-кто даже намекал вполголоса, что это его довереннейшее лицо, Майо, также скрывавшийся от правосудия, откупился головой большого босса, опасаясь стать жертвой ареста или быть убитым. Пресса уже несколько дней ожидала неминуемой поимки Майо, а вместо этого ее застало врасплох известие об аресте Чапо. Единственное, что было во всей этой истории несомненно, – так это ее двусмысленность. Сложно поверить, что этот арест стал всего лишь результатом полицейской работы, ведь все же знают, что в Синалоа ничего не происходит, если на то нет воли Чапо. Король умер, да здравствует король.

Глава 4

Убийца друзей

Матаморос, город в штате Тамаулипас на северо-востоке Мексики, лежит на южном берегу Рио-Браво[20 - Рио-Браво (также Рио-Браво-дель-Норте) – мексиканское название реки Рио-Гранде, по которой проходит часть границы Мексики и США.] и соединен с техасским городом Браунсвилль четырьмя мостами. Эти четыре моста – как нефтепроводы, по которым в Соединенные Штаты качают белую нефть. Здесь всем заправляет картель “Гольфо”, один из самых жестоких. В 1999 году картель “Гольфо” ввозил на территорию США до пятидесяти тонн кокаина в месяц, а его власть распространялась от Мексиканского залива до берегов Тихого океана. Эти территории были захвачены силой, подкупом или по договоренностям с главами других объединений наркобаронов. Картель “Гольфо” был здесь номером один. А внутри картеля номером один был Осиель Карденас Гильен.

Крестный Отец, который приехал последним, занял свое место и благословил новых боссов, подняв за них бокал вина. Осиель миллион раз слышал эту историю. Конечно, передаваясь из уст в уста, она обрела новые версии, изменчивые, как погода в апреле, но суть оставалась той же – новый мир был создан. Осиель с рождения был зол на весь мир. Ребенок-задира, подросток-хулиган и после – жестокий юноша. Он трепетно вынашивал и поддерживал в себе слепой и беспричинный гнев, который под влиянием его блестящего ума становился буквально-таки дьявольским.

“Зачем довольствоваться частью, если можешь завладеть всем миром?” – кажется, отвечал он неосторожному собеседнику, который в сотый раз надоедал ему старой историей про Крестного Отца и раздел территорий. А как еще мог ответить человек, чьи родители, несмотря на собственную нищету, продолжали как ни в чем не бывало строгать детей и после отправляли их валяться в курятнике с тощими курами? Осиель придумал свой собственный мир, как можно дальше от окружавшего его хаоса. В четырнадцать лет он уже подрабатывал помощником механика по утрам, а днем – на макиладоре[21 - Обиходное название сборочных предприятий, расположенных в мексиканских свободных экономических зонах и использующих более дешевую, по сравнению с США,

рабочую силу и отсутствие жесткого контроля условий труда. Как правило, принадлежат американским компаниям, которые ввозят беспошлинно сырье и компоненты, а затем экспортируют готовую продукцию в США.], где вместе с еще двумя сотнями рабочих собирал пылесосы, которыми в нескольких километрах к северу, должно быть, пользовались какие-нибудь домохозяйки-янки.

Когда гнев смешивается с жаждой получить свое, есть два возможных выхода: отчаяние или же чрезмерные амбиции. Осиель выбрал второе. На макиладоре он повстречал одну бойкую девушку с блестящими, как драгоценные камни, глазами, но ему было стыдно пригласить ее куда-нибудь, ведь он не мог позволить себе машину, чтобы заехать за ней, или оплатить ужин даже в самом недорогом ресторане. Он начал толкать наркотики – быстро, удачливо, достаточно рискованно, чтобы обеспечить себе выброс адреналина, который был ему практически необходим. На первых порах для толкача работает такое правило – у кого меньше всего предрассудков, тот скорее станет лидером. Чтобы удержать власть, без жестокости не обойтись. Если ты не жесток, то можешь показаться слабым, и твои противники этим воспользуются. Это как у собак: кто громче всех рычит, тот и вожак стаи.

Тем временем его отношения с силами правопорядка становятся все более тесными. В 1989 году, когда ему был двадцать один год, его арестовали в первый раз по обвинению в убийстве, но через день он вышел под залог. В следующем году он снова попал в тюрьму, в этот раз за угрозы и нанесение телесных повреждений, – и снова просто “заглянул на огонек”. В двадцать пять лет его арестовали в Техасе, в Браунсвилле, и обвинили в торговле наркотиками, так как на момент поимки у него с собой было достаточно кокаина для возбуждения дела: два килограмма. Приговоренный к пяти годам тюрьмы, он снова вывернулся – благодаря обмену преступниками между Мексикой и Штатами. На родине будет легче, решил он, и действительно – годом позже, в 1995-м, Осиель вышел на свободу.

У всех крупных криминальных авторитетов есть одно общее свойство: желание окружить себя ореолом обаяния. Желание очаровывать, соблазнять. Неважно, кто является его объектом – женщина, которую хочется затащить в постель, или дилер-конкурент, от которого нужно избавиться, убедив его сообщников, что этот ублюдок того заслуживает. Достаточно один раз нащупать нить, ведущую к желаниям стоящих перед тобой людей, и дело сделано. Осиель знал, что он мог бы отрубить руки, угрожать родственникам или сжигать склады, но более

быстрый способ получить все, что хочешь, – затронуть нужные струны в душе человека. Те, кто не боялся его, его обожали, а те, кто не обожал, удирали со всех ног, едва заслышав его имя. Осиелю удалось проникнуть в Федеральную уголовную полицию в качестве “крестной матери”, то есть осведомителя, и постепенно заработать себе защиту, которая развязывала ему руки. Теперь он мог держать под контролем оба фронта и одновременно сводить знакомство с людьми из картеля “Гольфо”. Он познакомился с Сальвадором Гомесом Эррерой по прозвищу Чава, который возглавил картель “Гольфо” после поимки Хуана Гарсии Абrego. Тот тоже рассказал ему, как Крестный Отец поднимал бокал и пил за отданную зону Матамороса.

Во второй половине 1990-х годов картель “Гольфо” раздирала война за власть. Многие пытались отделаться от организации, которая всего лишь несколькими годами ранее – после ареста Крестного Отца и золотого века, когда картель возглавлял Гарсия Абrego, – была одной из самых могущественных. Но теперь за ней гонялась полиция, а также ФБР и враждебные картели. Дни картеля, основанного в 1970-х годах человеком с витиеватым именем Хуан Непомусено Герра, который во времена сухого закона занимался контрабандой алкоголя в Штаты, казалось, были сочтены. Низвергнут Гарсия Абrego, арестованный мексиканскими властями и позже выданный в Штаты, где он отбывает сейчас одиннадцать пожизненных сроков. Терпит неудачу брат Абrego, Умберто, чересчур слабый. В результате заговора, организованного его охраной и сообщниками, низвергнут Серхио “Чеко” Гомес. Сразу за ним – Оскар Малербе де Леон. Низвергнут Уго Бальдомеро Медина Гарса, Повелитель грузовиков, – конец тоннам кокаина, которые он каждый месяц отправлял в Штаты в ящиках с овощами или пакетах с морепродуктами. Полиция празднует падение богов, но тем временем Чава и Осиель становятся друзьями и союзниками. Кажется, они неразлучны. Они постоянно в делах, накапливают деньги и власть. Но этого недостаточно – по крайней мере, для Осиеля. Власти нельзя добиться в паре, и каждому, кто упрямо рассказывает ему про Крестного Отца, он повторяет: “Зачем довольствоваться лишь частью, когда можешь завладеть всем миром?” И вот их арестовывают вместе. Осиель подкупает охранников, ему удастся бежать, – и после этого он убивает Чаву. В тот день ему удалось обрести две вещи: полный контроль над картелем “Гольфо” и прозвище El Mata Amigos, “Убийца друзей”.

Ты тот, кто убивает собственных друзей. Быть может, ты способен убить и своих родителей, братьев, детей. Чего тебе бояться? Если тебя ничего не связывает по рукам, если тебе нечего терять, ты непобедим. И если ты обладаешь блестящим умом, то впереди у тебя светлое будущее. Мата Амигос перестраивает

организацию и вводит ее в двадцать первый век. Его защита обеспечена подкупам и коррупцией. У него в подчинении есть даже 21-й моторизованный полк кавалерии Нуэво-Ларедо. Надежные ребята. Они получали сообщение: на складе одной из заброшенных фабрик на краю пустыни найдена партия кокаина. И тут же на всех парах летели на место происшествия, а с ними – толпа особо сговорчивых журналистов. Быстрое и бескровное вмешательство, никто не пойман, на месте обнаружен только белый порошок. Но ни одного ареста, ни разу. Фотографии, рукопожатия, улыбки. Чисто сработано.

Тем временем граница между Мексикой и Штатами пересекалась день за днем и час за часом. “Некий Осиель, как его там...” – такими словами обменивались главы мексиканских организаций по борьбе с наркотиками. Мата Амигос – привидение. Однако завладеть той узкой полоской земли, языком Тамаулипас, который лижет задницу Америке, хотели и другие банды, объявившие войну “Гольфо”. Это братья Валенсия вместе с картелем Тихуаны, картель Хуареса во главе с Висенте Каррильо Фуэнтесом и даже “Негрос”, убойная бригада на службе у Синалоа. Все против картеля “Гольфо”. Самая настоящая война. Полями битвы становятся города вроде Нуэво-Ларедо, Рейносы и Матамороса. Похищения и казни не прекращаются ни днем ни ночью, на улицах то и дело находят тела, разорванные на части и засунутые в полиэтиленовые мешки. Эскалация жестокости и количества смертей приводит к росту общественного давления как в стране, так и за ее пределами: все ждут ареста Осиеля Карденаса Гильена. В конце концов его все же арестовывают, а четырьмя годами позже экстрадируют в Соединенные Штаты. Картель лишается централизованной системы власти, теперь всем управляют два наркобарона, делящие между собой сферы влияния. Это брат Осиеля, Антонио Эсекиель Карденас Гильен по прозвищу Тони Тормента, то есть “Тони Гроза” (убит 5 ноября 2010 года мексиканскими военными в Матаморосе), и Хорхе Эдуардо Костиля Санчес, “Косс” (арестован морскими пехотинцами 12 сентября 2012 года в Тампико). Два лидера, которым все же не удалось положить конец распрям внутри картеля. И действительно, как только закончилось их время, пришел черед Марио Армандо Рамиреса Тревиньо по прозвищу Пелон, то есть “Лысый”, он же Икс-20, которого арестовали в Рейносе 17 августа 2013 года. Кто следующий? УБН особенно выделяет троих: Луиса Альберто Тринидада Серона (“Гичо”), Хуана Франсиско Каррисалеса (“98-го”) и Альберто де ла Крус Альвареса (“Хуанильо”). Но всегда найдется место и брату Осиеля, Омеро Карденасу Гильену по прозвищу Махадеро (“Глупец”). И хотя в марте 2014-го пошли слухи о его смерти от инфаркта, многие полагают, что он все еще восседает на самом высоком троне в картеле “Гольфо”.

В наши дни картель “Гольфо” продолжает извлекать выгоду из своей близости к американской границе. Это прекрасно отлаженная денежная машина, ход которой Государственный департамент США попытался затормозить, установив в 2009 году вознаграждение в размере пятидесяти миллионов долларов за любые сведения, которые бы способствовали поимке двух боссов и еще пятнадцати членов картеля. Чтобы тоннами возить кокаин, картель использовал все возможные пути, в том числе и подземные туннели, которые также задействовались для переправки людей. Эти новые кокаиновые почтальоны в обмен на призрак новой жизни по ту сторону границы взваливают себе на плечи горы наркоты – до полумиллиона долларов в денежном эквиваленте. Или же садятся на автобусы, которые проезжают по I-35, трассе, ведущей от пограничного города Ларедо, штат Техас, в Миннесоту, или же по I-25, которая начинается в сорока километрах от Эль-Пасо в том же Техасе и поднимается на север, к Вайомингу. Автобусы – идеальный вид транспорта для наркоторговцев, ведь их зачастую не проверяют рентгеном. Но картель “Гольфо” не чурается и более изобретательных способов вроде железной дороги или подводных лодок – быстрых и надежных, которые к тому же могут перевозить космически огромные грузы кокаина.

“В душе каждого человека живет отчаянное желание битвы, в которой нужно сразиться, приключений, которые нужно пережить, и красоты, которую нужно спасти”. Эти слова, сказанные христианским писателем и активистом Джоном Элдриджем, так нравились Насарио Морено Гонсалесу, одному из самых могущественных боссов картеля “Фамилия Мичоакана”, что он решил переделать их на свой манер. Морено Гонсалес проповедовал божественное право убивать врагов и так и не отступился от собственного толкования Библии. “Лучше умереть в борьбе лицом к лицу, чем всю жизнь унижаться, стоя на коленях”, – писал Морено, отталкиваясь от высказываний мексиканского революционера Эмилиано Сапаты[22 - Национальный герой Мексики, предводитель восставших крестьян штата Морелос, одна из ключевых фигур революции против диктатуры Порфирио Диаса и гражданской войны 1910–1919 гг.]. Или же: “Лучше быть живой собакой, чем мертвым львом”[23 - Парафраз Книги Екклесиаста: “Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву” (Екк 9:4).]. Одним он был известен как Чайо, другим – как Мае Локо, “Безбашенный”. Но все запомнят его как того мексиканского босса, что погиб дважды. В декабре 2010 года мексиканские власти объявили, что босс “Фамилии” был убит федеральной полицией в Апацингане. Разъяснить, как все случилось, поспешил даже тогдашний президент страны Фелипе Кальдерон, заявивший, что агенты

правопорядка застали Насарио Морено Гонсалеса врасплох во время праздника, устроенного членами “Фамилии”, и что в завязавшейся перестрелке он был убит. И хотя труп его, который, согласно официальным отчетам, увезли члены “Фамилии”, так и не удалось обнаружить, никто не ставит эту версию событий под сомнение. Не ставит почти год, пока в октябре 2011-го не арестовывают Марио Буэнростро Кироса, главу “Абойтес”, группы похитителей, связанной с “Мичоаканской семьей”. На допросе Буэнростро сообщил, что Чайо жив и стал даже за это время главой “Картеля тамплиеров”, группировки, отколовшейся от “Фамилии”. С тех пор слухи о Чайо доносятся все чаще, пока 9 марта 2014 года они не получают наконец подтверждение: в перестрелке со спецподразделениями мексиканской армии и флота в Тумбискатио, штат Мичоакан, погибает человек, пытавшийся оказать вооруженное сопротивление при задержании. На этот раз отпечатки пальцев и анализ ДНК не оставляют сомнений – это Насарио Морено Гонсалес, на тот момент более трех с половиной лет официально считавшийся мертвым. Все эти годы он мог преспокойно и дальше командовать из своего мичоаканского оплота и даже не тревожиться о том, что его могут схватить, – ведь никто же не станет охотиться на мертвеца.

Штат Мичоакан находится на побережье Тихого океана. Именно сюда крестьяне-гомерос из Синалоа привезли свой опийный мак и научили местных кампесинос, как его выращивать. Мичоакан – Синалоа – США: в течение многих лет маршрут был именно таков. Эти годы захватов, похищений и насилия впоследствии привели к созданию организации независимых борцов с несправедливостью – “Фамилии”, “Мичоаканской семьи”.

“Мичоаканская семья” появилась на свет, чтобы защищать и оберегать самых слабых, чтобы бороться с насилием над ними. На какое-то время картель “Гольфо”, становившийся все более влиятельным в тех краях, поручил ей роль военизированной поддержки. Но сегодня “Фамилия” – независимый картель, специализирующийся на продаже метамфетамина и ставший со временем самым крупным его поставщиком в США. Край, которые многие десятилетия притягивал к себе наркоторговцев благодаря своим холмам, в которых они могли найти убежище, выходу к Тихому океану, который упрощает перевозку товара, но что самое главное – из-за бескрайних пространств плодородной земли в так называемой Тьерра-Кальенте[24 - Tierra Caliente (исп.) – “Горячая земля”, населенная в основном индейцами труднодоступная область с жарким сухим климатом на стыке штатов Герреро, Мичоакан и Мехико.], которая идеально подходит для выращивания марихуаны – теперь этот край усеяли многочисленные метамфетаминные лаборатории. По мнению Майкла Броня,

бывшего шефа оперативного отдела УБН, специализированные лаборатории “Семьи” в Мексике способны производить до пятидесяти килограммов метамфетамина в течение восьми часов. У “Семьи” очень строгие правила относительно продажи наркотиков: ни грамма членам картеля, а также мексиканцам. Это такая вывернутая наизнанку мораль; она находит себе место на растяжках, которые картель развешивает в контролируемых им районах: “Мы против употребления наркотиков и говорим «нет» эксплуатации женщин и детей”.

Чтобы отпраздновать свое вхождение в мир наркоторговли в качестве независимого картеля, “Фамилия” устраивает грандиозное шоу. Ночью 6 сентября 2006 года двадцать одетых в черное мужчин, лица которых скрывают лыжные маски, вламываются на дискотеку “Соль и Сомбра” в городе Уруапан, в сотне километров от Морелии, столицы штата Мичоакан. Вооруженные до зубов, они несколько раз стреляют в воздух и приказывают посетителям и девушкам-танцовщицам лечь на пол. В обстановке всеобщего ужаса они быстро поднимаются на второй этаж, открывают принесенные с собой черные мешки для мусора и выбрасывают на танцпол пять человеческих голов. Прежде чем уйти, убийцы оставляют на полу рядом с отрубленными головами лист бумаги со следующим посланием: “«Фамилия» не убивает из-за денег, не убивает женщин и невинных людей. Умирает только тот, кто должен умереть. Знайте все: это божественное правосудие”. Вот она, визитная карточка, которую “Фамилия Мичоакана” предъявила Мексике.

Для членов организации их территория имеет статус святыни; они не потерпят, чтобы ее оскверняли болезнями и наркотиками. В этом отношении они чем-то напоминают итальянские группировки, которые ловят и наказывают тех, кто толкает товар в их зоне контроля. “Фамилия” ведет своего рода борьбу за здоровый образ жизни. Они борются с наркозависимостью необычным и крайне воинственным образом: заявляются в реабилитационные центры для наркоманов и всячески подталкивают тех к тому, чтобы справиться с зависимостью, – в том числе и с помощью молитв. Потом их принуждают работать на картель. Если те отказываются, они их убивают. Совместные молитвы играют очень важную роль для организации, поскольку от них, как и от общего поведения, зависит карьера ее членов. Чтобы заручиться поддержкой общества, картель щедро раздает деньги крестьянам, предприятиям, школам и церквям, рекламирует себя на страницах местных газет. Именно с помощью объявления в газете “Голос Мичоакана” “Семья” засвидетельствовала в ноябре 2006 года свое появление: “Возможно, некоторые наши методы слишком суровы, но это единственный способ навести в штате порядок. Пусть не все из вас сейчас это поймут, но мы

знаем, что в наиболее пострадавших районах наши действия будут восприняты правильно, ведь можно и нужно бороться с теми бандитами, которые пришли к нам из других штатов и которым мы больше не дадим вторгаться в Мичоакан и совершать здесь преступления". Внутри штата Мичоакан "Семья" функционирует как параллельная государственная структура. Они финансируют общественные проекты, ограничивают мелкую преступность, улаживают раздоры местного значения. И не забывают про торговлю: сто песо в месяц за место на районном рынке, три тысячи – за автосалон. Зачастую фирмы вынуждены закрываться и передавать свою деятельность картелю, который использует ее для отмывания денег.

Несмотря на вдохновляющие картель религиозные идеалы, "Фамилия" известна своей крайней жестокостью: ее члены пытаются и убивают своих конкурентов. "Мы хотим, чтобы президент Фелипе Кальдерон[25 - Президент Мексики в 2006–2012 гг., с начала своего правления объявивший войну наркокартелям.] знал, что мы ему не враги и высоко его ценим. Мы открыты для диалога. Мы не хотим, чтобы «Сетас» вошли в Мичоакан. Чего мы хотим, так это мира и спокойствия. Мы знаем, что мы – необходимое зло... мы хотим прийти к согласию, к общенациональному соглашению". Так говорил Сервандо Гомес Мартинес, он же Тута, "Учитель", позвонивший в студию во время передачи "Вос и солюсьон", которую вел на местном мичоаканском канале CB Television журналист Маркос Напп. Гомес, этот высокопоставленный член картеля и подельник Морено Гонсалеса, предложил президенту Кальдерону заключить союз, чтобы устранить самых опасных конкурентов. Но правительство отказалось вести переговоры. Несмотря на это, "Фамилия" все равно стала одним из тех картелей, которые разрослись быстрее прочих во время нарковойны в Мексике. Их влияние, помимо Мичоакана, распространилось на соседние штаты Герреро, Керетаро и Мехико. В их щупальца попали и Соединенные Штаты. В октябре 2009 года федеральные власти обнародовали результаты так называемого "Проекта Коронадо". Из этого длившегося четыре года расследования, предметом которого была деятельность "Фамилия" в Соединенных Штатах, выросла одна из самых крупных операций против мексиканских наркокартелей, орудующих на территории США. В одном-единственном двухдневном рейде, затронувшем все уровни власти, от местного до федерального, приняли участие более трех тысяч агентов. Арестовано триста три человека в девятнадцати американских штатах. Конфисковано шестьдесят два килограмма кокаина, триста тридцать килограммов метамфетамина, четыреста сорок килограммов марихуаны, сто сорок четыре единицы оружия, сто девять транспортных средств и две подпольные лаборатории, а также три миллиона четыреста тысяч долларов наличными. В ноябре 2010 года "Фамилия"

предлагает новое соглашение: они обещают расформировать картель при условии, что государство, федеральное правительство и федеральная полиция гарантируют безопасность штата Мичоакан. Это предложение появилось в виде сообщения на листовках, которые засовывали под двери домов, магазинов, в телефонные будки, на растяжках, которые развешивали на улицах, в письмах, отправленных в блоги, на радиостанции, в газеты и различные местные и международные компании. В сообщении говорилось, что создание “Семьи” стало ответом на провал властей, которые не смогли гарантировать безопасность граждан, и что ее члены, сыновья и дочери Мичоакана, готовы отдать собственную жизнь, чтобы защитить свою родину. Но и в этот раз правительство Фелипе Кальдерона, который сам родился в Мичоакане, отказалось заключить соглашение с картелем и начать переговоры.

Противостояние между “Фамилиа” и “Сетас” превратило Мичоакан в арену военных действий. А то, что произошло в столице штата, городе Морелия, 15 сентября 2008 года, накануне Дня независимости Мексики, впоследствии назовут первым актом наркотерроризма в истории страны. Вскоре после того, как губернатор Леонель Годой прозвонил в колокол и три раза повторил: “Да здравствует Мексика!” [26 - Трижды повторенное “Да здравствует Мексика” – последние слова прокламации, с которой обращается к народу в 12 часов вечера 15 сентября каждого года высшее должностное лицо (президент в Мехико, губернатор – в столице штата, мэр – во всех других городах) с балкона дворца или мэрии. С этой церемонии, которая в символическом виде воспроизводит начало мятежа против испанских властей в городке Долорес (1810), начинается празднование Дня независимости Мексики.], в толпе, по случаю праздника наполнившей площадь, разорвались две осколочные гранаты. Итог – восемь человек убиты и более ста ранены, и все это – мирные люди. Даже невинные, таким образом, становятся жертвами войны между наркоторговцами. Власти указывают на “Семью”, а та в свою очередь вывешивает новые растяжки, на которых обвиняет во всем “Сетас”: “Подлецы – вот как надо называть тех, кто подрывает спокойствие и мир в наших краях. Мексика и Мичоакан не одиноки. Спасибо вам, «Сетас», за ваши подлые поступки”.

Взрыв в Морелии стал поворотным моментом в выборе курса между старыми методами, методами Чапо, и новыми, которых придерживались “Сетас” и “Фамилиа”. Раньше были правила. Если ты предавал Чапо, тебя судили очень просто – то есть наказывали. Никакого мрачного нагнетания обстановки, никакой жути. Сегодня ярость систематически выставляется на всеобщее обозрение. К крайней жестокости добавляется публичное унижение. Чапо, однако, сразу понял все. Через день после происшествия он распространяет по

электронной почте коммюнике, также подписанное и Майо: “Мы, представители Синалоа, всегда защищали народ, всегда уважали семьи боссов и мелких посыльных, мы всегда уважали правительство, всегда уважали женщин и детей. Когда картель Синалоа имел власть над всей Республикой, казней не было. А знаете почему? Потому что мы знаем свое дело, и у нас тоже есть чувства. Скоро вы увидите в Мичоакане больше синалоанцев (мы вернем себе все отнятые у нас территории и убьем всех тех, кто хоть как-то обидел нашу семью), и ни правительство, ни картели нас не остановят”.

“Сетас” и “Фамилия” выставляют свою жестокость напоказ и используют ее как посла; Синалоа прибегает к жестокости только тогда, когда она нужна. Это борьба модерна и постмодерна. Борьба криков и молчания. Правила игры изменились. На сцену выходят новые действующие лица. Они появляются с огромной скоростью и поглощают целые регионы. Новые картели будто срываются с цепи. Более гибкие структуры, бешеные темпы расправ, освоение новых технологий, показательные массовые убийства, темные псевдорелигиозные догмы. И зверство, от одного вида которого все их предшественники бледнеют от испуга.

Жилой квартал Канкуна. Небольшой фургон, брошенный на улице несколько дней назад, начинает привлекать внимание местных жителей, и они вызывают полицию: “Этот фургон воняет гнилым мясом”. Открыв дверь, полицейские обнаруживают три трупа в наручниках и с полиэтиленовыми пакетами на голове. Рядом с ними лежит записка: “Мы – новый клан «Мата Сетас», мы против похищений и вымогательства, и мы будем бороться с ними во всех штатах, чтобы Мексика стала чище”. Подпись: “Картель нового поколения Халиско (Мата Сетас)”. Только спустя некоторое время станет известно, что перед тем как убить их, тех троих засняли на видео, впоследствии выложенное на YouTube, где их допрашивают какие-то люди в масках и с автоматами. Так представил себя миру “Картель нового поколения Халиско”, или же “Мата Сетас”, то есть “Убивающие «Сетас»”. Самый молодой картель.

29 июля 2010 года убит Игнасио Коронель Вильяреаль, предводитель картеля Синалоа в штате Халиско, поделщик Чапо и дядя Эммы Коронель, тогдашней жены последнего. Он погиб в перестрелке с мексиканскими военными в Сапопане, штат Халиско. Его сторонники подозревают, что покойного предал собственный картель, и решают отколоться и создать новую группировку. Среди основателей “Картеля нового поколения Халиско” – Немесио Осегера Рамос (“Менчо”), Эрик Валенсия (“85-й”) и Мартин Ареола (“53-й”). Все они – бывшие

члены картеля “Миленио”, который на тот момент был ответвлением Синалоа. Начинается круговорот объединений и расколов. В начале 2011 года “Картель нового поколения Халиско” решает захватить столицу штата Халиско, Гвадалахару. Все против всех. Но проходит несколько месяцев, и картель возвращается под крыло Синалоа. Теперь они воюют против “Сетас” за контроль над Гвадалахарой и Веракрусом и, кроме того, действуют в штатах Колима, Гуанахуато, Наярит и Мичоакан. Чапо использует их, чтобы бороться с ячейками “Сетас” на своих территориях, ведь новая группировка считает себя сторонниками справедливости и противостоит злу в лице “Сетас”.

В этой войне “Сетас” и Халиско сражаются с открытым забралом. 20 сентября 2011 года среди бела дня в самом центре Веракруса внутри двух грузовиков находят тридцать пять трупов – двадцать три мужчины и двенадцать женщин. На жертвах заметны следы пыток, у них связаны руки, у некоторых на головах мешки. Все это – члены “Сетас”. После этой бойни в интернете распространяется видеообращение. За столом, покрытым скатертью, сидят пять мужчин в лыжных масках. Перед ними бутылки с водой, прямо как на пресс-конференции. Это она и есть. Пресс-конференция, чтобы взять на себя ответственность за преступление. “Мы хотим заверить вооруженные силы, что наша единственная цель – положить конец существованию «Сетас». Мы – воины без имени, без лица, но мы с гордостью называем себя истинными патриотами Мексики...” Через несколько дней в трех домах Бока-дель-Рио, все в том же штате Веракрус, обнаружены безжизненные тела еще тридцати трех человек. 24 ноября, за пару дней до торжественного открытия в Гвадалахаре Международной книжной ярмарки, полиция обнаруживает в трех фургонах тела двадцати шести человек, умерших от удушения и травм головы. Ранним утром 22 декабря на 105-й трассе в Веракрусе наркоторговцы нападают на три рейсовых автобуса. В итоге – шестнадцать человек убитых, в том числе трое граждан США, проживавших в Техасе и приехавших в Мексику на рождественские каникулы. На следующий день в Тампико-Альто, штат Веракрус, обнаружены еще десять тел: измученные, в наручниках, почти все обезглавленные. Резня не прекращается и на Рождество: рядом с Тампико, в Тамаулипасе на границе со штатом Веракрус, в ходе рутинной проверки на дорогах несколько солдат находят тела тринадцати человек в грузовике с прицепом. На сцену вернулись и знаменитые растяжки, призывающие к войне с враждебными группировками. Список этих жестоких расправ можно продолжать еще долго, но это значило бы добавить звездочек на погоны членам картеля Халиско.

1 июля 2012 года. Мексика только что выбрала нового президента, Энрике Пенью Ньето. Среди своих приоритетов он особенно выделил борьбу с торговлей наркотиками, которая в последние пять лет унесла жизни более пятидесяти тысяч человек. Через сутки после его избрания, в десять часов утра, в Сакасонапане, в центральной части Мексики, группа из четырех десятков киллеров останавливает четверых мальчишек лет по четырнадцать-шестнадцать, распространявших наркотики для картеля “Фамилия Мичоакана”. К месту происшествия подтягиваются и другие члены “Семьи”. Начинается стрельба. В течение часа городок охвачен смятением и страхом. В школах прекращаются занятия в ожидании прибытия военных и полиции, которые лишь подтвердят последствия стычки: восемь человек убито. Однако спасается бегством Тусо, который считается правой рукой Пабло Хаймеса Кастрехона по прозвищу Маррана (что значит “Грязнуля”) – возможного лидера “Семьи” в южной части штата Мехико и одного из самых разыскиваемых боссов, подозреваемого в похищениях, вымогательстве, убийствах и наркоторговле. Среди сорока киллеров также есть потери, но для них это необходимые жертвы, принесенные во имя высшей цели.

Эти сорок человек принадлежат к картелю, основанному годом ранее в ходе очередного витка безумной непрекращающейся резни, на которую современную Мексику обрекла наркоторговля. Это “Картель тамплиеров”, отколовшийся от “Семьи”, которая, по их мнению, предала собственные ценности и посвятила себя проверенным делам – ограблениям, похищениям и вымогательству. Тамплиеры, напротив, придерживаются строгого кодекса чести. Члены ордена должны бороться против материализма, несправедливости и тирании. Они ведут идеологическую борьбу в защиту общественных ценностей, основанных на морали. Они клянутся защищать угнетенных, вдов, сирот. Запрещается насиловать женщин и несовершеннолетних или же использовать свою власть в обманных целях. Строго запрещается похищение людей ради выкупа. На убийство нужно разрешение, так как никто не должен отнимать у другого человека жизнь из прихоти или ради денег; нужно сначала выяснить, имеются ли на то достаточные основания, – и только тогда можно продолжать начатое. Тамплиер не может руководствоваться сектантскими или мелочными соображениями. Он должен быть патриотом и гордиться своей родиной. Он должен быть смиренным и вызывать уважение. Всем членам группы запрещается употреблять наркотики. Тамплиер должен быть для всех образцом рыцарской чести. Он должен всегда искать истину, потому что Бог – это Истина. Тот, кто предаст орден или нарушит правило молчания, будет наказан смертью; та же участь постигнет и его семью, а его имущество будет конфисковано.

Это совершенно бредовая пародия, за которой, впрочем, стоит молодая и агрессивная группировка, ведущая борьбу с ослабленным старым картелем и желающая захватить его земли, не брезгуя при этом и сопредельными территориями. Ее члены чувствуют себя настолько всемогущими, что объявляют войну “Сетас”. Как и средневековый рыцарский орден, основанный в Иерусалиме для защиты паломников в Святой земле после Первого крестового похода, эти новые тамплиеры чувствовали, что на них возложена божественная миссия. После того как совет более опытных “братьев” избрал тебя и ты вошел в группу, ты не можешь оставить общее дело. Как только ты позволяешь им избрать себя, ты должен подчиняться их выбору ценой даже собственной жизни. Члены группы обязаны участвовать в церемониях, для которых они наряжаются, как рыцари-тамплиеры, имя которых они себе взяли: шлемы и белые плащи с красным крестом на груди. Картель распространяет в провинции брошюру, в которой собраны его принципы, направленные на выполнение главной цели – “защитить жителей свободного и суверенного штата Мичоакан”.

Этот картель заявляет о своих намерениях очистить мир, в то время как сам собирает армию, чтобы закрепиться в амфетаминном бизнесе. Они хорошо вооружены и не боятся напрямую бросать вызов властям.

Кровь порождает кровь. Это не просто поговорка. Кровь питается кровью. История мексиканских картелей показывает, что все попытки отвечать на насилие насилием приводят только к новым жертвам. В годы президентства Висенте Фокса, с 2000 по 2006 год, мексиканское правительство в целом довольно равнодушно относилось к проблемам наркоторговли. Отряды, отправляемые на границу со Штатами с целью противостоять операциям картелей, были недостаточно многочисленны и плохо экипированы. Ситуация изменилась в декабре 2006 года, когда президент Фелипе Кальдерон, едва заняв должность, отправил шесть тысяч пятисот федеральных солдат в штат Мичоакан, чтобы положить конец насилию, чинимому местными наркоторговцами. Это было объявление войны между двумя противостоящими друг другу государствами. С одной стороны – Мексика, с другой – Наркогосударство. Две страны, занимающие одну и ту же территорию, но второе из них пожирает все на своем пути. У Наркогосударства неутолимый аппетит, и Кальдерон это знает. Именно поэтому он начинает войну с наркотиками. Он не может допустить, чтобы паразитическое государство устанавливало свои законы. В борьбе с наркоторговцами принимают участие более сорока пяти тысяч солдат, дополнительно к регулярным силам правопорядка, как на местном, так и на федеральном уровне. Но кровь порождает кровь, и картели ответили на нанесенные им удары усилением жестокости. Судя по цифрам,

Кальдерону не удалось выиграть войну: последний официально обнародованный правительством бюллетень по нарковойне датирован 11 января 2012 года, и в нем говорится о 47 515 погибших в результате насилия, связанного с организованной преступностью, между декабрем 2006 года и 30 сентября юн года. Что хуже всего, число убитых растет в геометрической прогрессии: в 2007 году смертей, связанных с деятельностью наркокартелей, насчитывалось 2826, в 2008 году их число выросло до 6838, в 2009-м – дошло до 9614, в 2010-м – уже до 15 237, в 2011-м уже к сентябрю их было 12 903, а до конца года оставалось еще три месяца. Новый министр внутренних дел правительства Пеньи Ньето, Мигель Анхель Осорио Чонг, в середине февраля 2013 года заявил, что за шесть лет президентского срока Фелипе Кальдерона нарковойна унесла жизни около шестидесяти тысяч людей. Он также добавил, что привести точные данные невозможно, так как “в конце предыдущей легислатуры был прекращен официальный подсчет” жертв войны с наркотиками, а также отсутствуют списки пропавших без вести и неопознанных тел в моргах. Но есть и те, кто утверждает, что погибших в этой грязной войне намного больше. Отчетность смерти – неточная наука, какая-нибудь прерванная жизнь все равно сбежит от нее. Сколько жертв было найдено в ямах? Сколько людей растворили в кислоте? Сколько трупов было сожжено и исчезло навсегда? Зачастую цель преступников – это политики всех уровней: местного, регионального, представители властей штата. В течение шести лет нарковойны в Мексике был убит тридцать один мэр, из них тринадцать – в одном только 2010 году. Честные люди уже боятся выдвигать свои кандидатуры, они знают, что рано или поздно картели попытаются поставить на их место более нужных им людей. Постоянно растет счет жертв массовых убийств. По оценкам одного мексиканского журнала, опубликованным в марте 2014 года, только за четырнадцать месяцев с начала правления президента Пеньи Ньето общее число жертв конфликта составило 23 640 человек. Но это лишь примерные данные, и ассоциации вроде “Движения за достойный и справедливый мир”[27 - Протестное движение, созданное 28 марта 2011 года в ответ на события мексиканской нарковойны, а также выступающее против коррупции, растущего экономического неравенства и бедности.], которое основал поэт и гражданский активист Хавьер Сисилия после гибели своего сына от рук наркоторговцев, утверждают, что общее число жертв нарковойны на самом деле намного больше.

Числа и цифры. Я же вижу только кровь и деньги.

Возьми резинку и начни тянуть ее. Сначала ты не почувствуешь сопротивления. Она будет растягиваться без проблем. Пока не дойдет до предела, после чего порвется. Современная экономика работает точно так же, как эта резинка. Резинка – это поведение по правилам честной конкуренции и по нормам закона. Сначала все было просто: доступные ресурсы, рынок, открытый для появления любого нового товара, который может сделать жизнь лучше и удобнее. Когда ты что-то покупал, ты чувствовал, что делаешь шаг навстречу лучшему будущему. Если ты что-то производил, то чувствовал то же самое. Радиоприемники. Автомобили. Холодильники. Стиральные машины. Пылесосы. Обувь для спорта и выходов в свет. Электробритвы. Шубы. Телевизоры. Туристические поездки. Фирменную одежду. Ноутбуки. Мобильники. Тебе не приходилось слишком сильно растягивать резинку правил. Сегодня мы приближаемся к переломному моменту. Все ниши заняты, все потребности удовлетворены. Руки, растягивающие резинку, все сильнее расходятся в стороны, препятствуют насыщению, добывая еще миллиметр пространства в надежде, что это усилие и правда не окажется последним. В худшем случае ты готовишься переехать на восток или пробуешь работать втайне от государства и не платить налоги. Ты пытаешься еще больше растянуть эту резинку. Жизнь предпринимателя – сложная штука. Такие люди, как Марк Цукерберг[28 - Один из основателей социальной сети Facebook, стал миллиардером в возрасте 23 лет.], рождаются раз в сто лет. Мало кто может сколотить состояние на одной-единственной идее; и даже самая удачная идея не гарантирует стабильности. Все остальные вынуждены вести сидячую войну, пристраивая товары и услуги, спрос на которые, возможно, закончится так быстро, что не успеешь и глазом моргнуть. Все товары подчиняются закону резинки. Все, кроме одного. Кокаина. Ни один рынок в мире не приносит больше прибыли, чем кокаиновый. Нет такой финансовой инвестиции, которая принесет больше прибыли, чем инвестиции в кокаин. Даже самый рекордный взлет любых акций не сравнится с “процентами”, которые обеспечивает кокаин. В 2012 году, в год выхода iPhone 5 и iPad mini, Apple стала компанией – обладателем самого большого капитала, когда-либо представленного в биржевых сводках. Всего за год акции Apple на бирже поднялись в цене на 67 %. В финансовом плане это очень заметный рост. Если бы я вложил тысячу евро в акции Apple в начале 2012 года, сейчас бы у меня была тысяча шестьсот семьдесят евро. Неплохо. Но если бы я вложил тысячу евро в кокаин в начале 2012 года, сейчас бы у меня было сто восемьдесят две тысячи: в сто раз больше, чем я получил бы, вложив деньги в акции, поставившие за год рекорд роста!

Кокаин – товар-убежище. Кокаин – товар, на который не действуют циклы спроса. Кокаин – тот самый товар, которому не грозит ни оскудение природных ресурсов, ни инфляция рынков. В мире есть множество мест, где люди живут без больниц, без интернета и без водопровода. Но не без кокаина. По данным ООН, в 2009 году в Африке была потреблена двадцать одна тонна кокаина, в Азии – четырнадцать тонн, в Океании – две. Более ста одной тонны во всей Латинской Америке и на Карибских островах. Все его хотят, все его употребляют, он нужен всем, кто его попробовал. Затраты минимальны, сбыт мгновенен, доход огромен. Кокаин продается лучше, чем золото, и выручки он приносит больше, чем торговля нефтью. Для золота нужны посредники, нужно время на заключение контрактов; для нефти – скважины, нефтеперегонные заводы, трубопроводы. Кокаин – единственный товар, который еще позволяет быстро разбогатеть. Ты можешь найти у себя в саду нефтяную скважину или унаследовать шахту колтана[29 - Колтан, колумбит-танталит – руда ниобия и тантала, используемого в изготовлении всех электронных устройств.], которым можно было бы заполнить все мобильники в мире, но ничто не позволит тебе подняться с нуля до обладания виллами на Изумрудном берегу[30 - Побережье на севере Сардинии, облюбованное самыми богатыми людьми мира.] так быстро, как это сделает кокаин. Со дна на самый верх – и это благодаря какому-то заводу по производству болтов? Из нищеты в роскошь благодаря автомобилям? В прошлом веке – да. Сегодня даже огромным международным компаниям, производящим товары первой необходимости, или же мировым автомобильным гигантам остается только держать удар. Снижать цены. Пролезать в самые дальние уголки планеты, чтобы увеличить экспорт, который во всех секторах растет все медленнее. Прежде всего надеяться на то, что положительный баланс поможет акциям и облигациям фирмы лучше расти, поскольку именно на доход от ценных бумаг постепенно смещается все большая часть заработка компаний.

Никакие ценные бумаги на бирже не способны дать ту же прибыль, что и кокаин. Самые смелые инвестиции, самая продуманная спекуляция, самые быстрые передвижения огромных денежных потоков, способные повлиять на условия жизни целых континентов, не дают даже отдаленно сравнимого преумножения богатств. Поставив на кокаин, можно за несколько лет сколотить состояние, для обладания которым самым крупным холдингам приходится десятилетиями инвестировать капитал и заниматься спекуляциями. Если у группы предпринимателей получится приложить руку к кокаину, то она получит власть, достичь которой любыми другими методами просто невозможно. С нуля – до тысячи. Такого ускорения не даст никакой другой экономический двигатель. Поэтому там, где производство кокаина поставлено на поток, нет ничего, кроме жестоких и яростных стычек. В кокаиновом бизнесе нет мирного

урегулирования. Или все, или ничего. И все быстро заканчивается. В торговле кокаином нет места профсоюзам и промышленным планам, субсидиям из бюджета и нормам, которые могут быть оспорены в суде. Ты выиграешь, если будешь самым сильным, самым хитрым, лучше всех организованным, лучше всех вооруженным. Так это работает для любого предприятия: чем сильнее ты растягиваешь резинку, тем больше закрепляешься на рынке. Если кока поможет тебе растянуть эту резинку еще сильнее – ты сможешь выиграть и во всех других отраслях. Порвать эту резинку может только закон. Но даже когда закон нападает на след, ведущий к преступному корню, и пытается вырвать его, довольно сложно найти все юридические компании, все вложения в недвижимость и счета в банках, которые были приобретены благодаря той необыкновенной эластичности, что дает белый порошок.

Кокаин – сложный товар. За его белизной скрывается труд миллионов людей. И никто из них не разбогатеет так, как тот, кто сумеет оказаться в нужной точке производственной цепи. Рокфеллеры кокаинового бизнеса знают, как рождается их продукт – каждый его шаг. Они знают, что сеять нужно в июне, а в августе – собирать. Они знают, что высаживать лучше всего семена от растения, возраст которого не менее трех лет, и что собирать коку нужно три раза в год. Они знают, что собранные листья нужно отправить на сушку в течение двадцати четырех часов, иначе они испортятся и их больше не продашь. Они знают, что следующий шаг – раскопать в земле две ямы. В первую вместе с сухими листьями нужно добавить карбонат калия и керосин. Они знают, что потом нужно как следует притоптать эту смесь, чтобы получилось зеленоватое месиво, карбонат кокаина, который затем фильтруют и переносят в другую яму. Они знают, что следующий ингредиент – концентрированная серная кислота. Они знают, что так получается основной сульфат кокаина, паста коки, которую потом нужно высушить. Они знают, что на последних этапах понадобятся ацетон, соляная кислота и чистый спирт. Знают, что нужно фильтровать раствор раз за разом. И потом снова сушить. Знают, что так получается гидрохлорид кокаина, в народе называемый просто кокаином. Кокаиновые Рокфеллеры знают – чтобы получить примерно пятьсот граммов чистого кокаина, потребуется три центнера листьев и небольшая группа работников на полный день. Кокаиновые предприниматели знают это, как знает свой бизнес руководитель любой фирмы. Но прежде всего они знают, что множество крестьян, сбытчиков и перевозчиков, нашедших себе работу чуть более прибыльную, чем могли бы отыскать в любом другом месте, продолжает вязнуть обеими ногами в нищете. Для них это чернорабочие – масса винтиков, которых можно сколько угодно менять между собой местами в вечном движении эксплуатационной машины, работающей на обогащение немногих избранных. А верхушка этих избранных – те, кому хватило

дальновидности понять, что на долгом пути, который преодолевает кокаин от колумбийских листьев до ноздрей случайного потребителя, настоящие деньги делаются на продаже, перепродаже и манипуляции ценами. Ведь если один килограмм кокаина в Колумбии действительно стоит 1500 долларов, в Мексике – от 12 000 до 16 000, в США – 27 000, в Испании – 46 000, в Голландии – 47 000, в Италии – 57 000, а в Англии – 77 000; если цена за грамм действительно колеблется от 61 доллара в Португалии до 80 – во Франции, 87 – в Германии, 96 – в Швейцарии и 97 – в Ирландии, а в Люксембурге доходит до 166 долларов; если килограмм чистого кокаина и впрямь можно разбодяжить[31 - Сленговое название процесса разбавления наркотиков примесями.] и получить в среднем три килограмма, которые потом продаются в дозах по грамму, – словом, если все это правда, то правда и то, что тот, кто заправляет всей этой цепью, – один из самых богатых людей на земле.

Новая мафиозная буржуазия в наши дни занимается наркотрафиком. Распространяя наркотики, она захватывает территории для торговли. Это такая игра “Риск”[32 - Настольная игра, для победы в которой игрок должен захватить максимум территорий или континентов.] в планетарном масштабе. С одной стороны – районы-производители, где больше не осталось ничего, кроме бедности и насилия, земли, которые держат под контролем мафиозные группировки, раздавая подаяния и милостыню под видом человеческих прав. Не должно быть никакого развития. Только поборы в пользу власть имущих. А если кто захочет отыгаться, он должен требовать не права, а богатства. Богатства, которое он должен уметь захватить. Насилие остается единственным инструментом, с помощью которого здесь можно заявить о себе. Таким образом утверждается власть в чистом виде, без примесей – как и сам кокаин.

С другой стороны – страны, в центре карты которых можно установить свои флажки. Италия: есть. Англия: есть. Россия: есть. Китай: есть. Везде. Для самых влиятельных семей кокаин работает как банкомат. Надо купить торговый центр? Ввозишь кокаин – и через месяц у тебя есть деньги на то, чтобы закрыть сделку. Нужно повлиять на предвыборную кампанию? Ввозишь кокаин – и ты готов к делу в течение нескольких недель. Кокаин – универсальный ответ, когда нужна наличность. Кокаиновая экономика развивается в бешеном темпе и проникает повсюду.

Жестокости учатся

Вот уже много лет я спрашиваю себя, зачем писать о перестрелках и убитых. Оно того стоит? Для какой цели? К тебе обратятся за консультацией? Сможешь вести шестинедельный курс в каком-нибудь университете (желательно престижном)? Бросишься в битву со злом на стороне добра? Тебя несколько месяцев будут величать героем? Заработаешь денег, если кто-то прочитает твои слова? Тебя возненавидят те, кто уже говорил их до тебя, но остался незамеченным? Тебя возненавидят те, кто не сказал этих слов или сказал их не так? Иногда мне кажется, что это наваждение. А иногда я убеждаю себя, что этими историями измеряется правда. Возможно, в этом и весь секрет. Не для кого-то. Для меня. Скрытый от меня самого. Остающийся за скобками моих выступлений на публике. Прослеживая пути наркоторговли и отмыwania денег, ты чувствуешь, что в силах обнаружить истинную суть всего. Понять исход выборов, причины падения правительства. Слушать официальные версии становится недостаточным. В то время как мир движется в весьма понятном направлении, все словно концентрируется на чем-то ином, возможно обыденном или поверхностном. На заявлении какого-то министра, на ничего не значащем событии, на сплетне. Но решает все нечто иное. Этот инстинкт лежит в основе любого чувственного выбора. Журналист, писатель, режиссер хотели бы показать мир таким, каков он на самом деле. Сказать своим читателям, своим зрителям: это не то, что ты думаешь, а на самом деле вот оно как. Все совсем не так, как ты думал; сейчас я открою тебе щелку, через которую ты сможешь разглядеть истину в последней инстанции. Но это никому никогда не удастся до конца. Есть риск поверить в то, что правда – настоящая, пульсирующая, определяющая – полностью скрыта от нас. Когда ты спотыкаешься и падаешь, ты начинаешь верить в то, что все вокруг – заговор, тайные собрания, масонские ложи и шпионские штучки. Что ничто никогда не бывает таким, как кажется. Это типичная придурь того, кто рассказывает истории. В попытке вписать мир в свое представление о нем проявляет свою близорукость глаз, убежденный в собственной непогрешимости. Но все не так просто. Сложность состоит как раз в том, чтобы не верить, что все, мол, покрыто тайной, что все решается за закрытыми дверями. Мир гораздо интереснее заговора секретных служб и сект. Преступная власть – это смесь правил, подозрений, общественной власти, коммуникаций, жестокости и дипломатии. Изучать ее – это как расшифровывать тексты, все равно что заняться энтомологией.

И все же, как бы я ни пытался, я не могу понять – зачем связываться с этими историями? Ради денег? Славы? Званий? Карьеры? Все это ничто по сравнению с

той ценой, которую придется заплатить, с риском, с постоянными перешептываниями, которые ты слышишь за спиной, куда бы ты ни шел. Когда ты сможешь рассказать, когда поймешь, как сделать этот рассказ захватывающим, когда научишься правильно дозировать правду и стиль, когда слова будут выходить у тебя из груди, изо рта и обретут свой звук, – тебя же первого они начнут раздражать. Ты сам, от всей души, первым возненавидишь себя. И не ты один. Тебя возненавидят те, кто тебя слушает, то есть те, кто делает это без какого-либо принуждения, – за то, что ты показываешь им эту мерзость. Потому что они будут постоянно чувствовать себя как бы стоящими перед зеркалом – почему я сам этого не сделал? Почему я этого не сказал? Почему я этого не понял? Боль становится резкой; а раненое животное часто бросается на других: это он врет, он делает это, чтобы сбить с толку, он продался, это все ради славы, ради денег. Когда ты пишешь о преступной власти, ты получаешь способность просматривать постройки, заседания парламента, людей, как книги. Берешь здание, держащееся на цементе, и представляешь себе, будто бы оно сделано из многих тысяч страниц, листая которые ты можешь прочесть, сколько за этой постройкой скрывается килограммов кокаина, сколько взяток и незаконных работников. Представь, что ты можешь делать так со всем, что видишь. Представь, что ты можешь пролистать таким же образом все, что тебя окружает. В эту секунду ты поймешь многое. Но наступит момент, когда тебе захочется оставить все книги закрытыми. Когда у тебя больше не останется сил перелистывать все вокруг.

Ты можешь думать, что заниматься всем этим – значит спасать мир. Восстанавливать справедливость. Возможно, отчасти это так. Но возможно – и особенно в данном случае, – ты должен заодно и принять на себя всю тяжесть положения маленького супергероя, лишенного какой бы то ни было власти. Принять, что ты, по сути дела, жалкий человечешко, который настолько переоценил собственные силы лишь потому, что никогда не доводил их до предела. Слово дает тебе значительно больше силы, чем могут вместить твоё тело и твоё жизнь. Но правда – то есть моя правда – в том, что есть всего лишь одна причина, по которой ты можешь решиться влезть во все эти истории про бандитов, наркоторговцев, преступный бизнес и массовые убийства. Избегая любых утешений. Заявляя о полном отсутствии какого-либо “бальзама для души”. Осознавая, что тебе не станет лучше от того, что ты узнаешь. И все же ты постоянно пытаешься это узнать. А когда, наконец, узнаешь, начинаешь относиться ко всем вещам с презрением. Я говорю именно о вещах, о предметах. Ты тут же узнаешь, как они делаются, откуда они берутся и куда потом деваются.

И даже если тебе плохо, ты убеждаешь себя в том, что понять этот мир можно, только если влезать во все эти истории. Ты можешь быть распространителем слухов, хроникером, магистратом, полицейским, судьей, священником, социальным работником, учителем, антимафиозным активистом, писателем. Но даже если ты хорошо знаешь свое ремесло, это еще не значит, что твое призвание в жизни состоит в том, чтобы непременно стремиться стать частью всего этого. Стать частью – означает, что тебя доводят до износа, что тобой двигают, что портят все, чем ты живешь каждый день. Стать частью – означает, что ты держишь в голове карты городов со всеми стройками, с площадями, на которых толкают наркоту, с местами, где подписывались соглашения и где произошли самые заметные убийства. Стать частью, находиться внутри – не потому, что ты живешь на улице или, как Джо Пистоне[33 - Джозеф Доминик Пистоне – специальный агент ФБР, сицилиец по происхождению, под псевдонимом Донни Браско в 1976–1982 гг. внедрившийся в клан Бонанно и в клан Коломбо – две из пяти семей итало-американской мафии, “контролировавших” Нью-Йорк.], шесть лет внедряешься в какой-нибудь клан. Ты внутри, потому что это смысл твоего пребывания в мире. Я уже много лет назад решил стать частью всего этого. Не только потому, что я родился там, где все решали кланы, не только потому, что я видел, как умирали те, кто восстал против их власти, не только потому, что клевета отбивает у людей любое желание противостоять преступной власти. Погрузиться в дела наркоторговцев – единственное, что позволило бы мне понять все до конца. Увидеть человеческую слабость, физиологию власти, хрупкость отношений, эфемерность связей, безграничную власть денег и насилия. Полную несостоятельность всех учений, основанных на прекрасном и справедливом, на которых я вырос. Я понял, что кокаин – ось, вокруг которой вертится все. Что у боли есть только одно имя. Кокаин. Карта мира, конечно, расчерчивалась и нефтью, той самой, черной, о которой мы привыкли говорить; но также и белой нефтью – как называют кокаин нигерийские боссы. Карта мира строится на топливе – для машин и для человеческого тела. Топливо для машин – это нефть, а для тел – кокаин.

“Сербы. Точные, безжалостные и педантичные в плане пыток”.

“Чушь. Чеченцы. У них такие острые клинки, что ты и не заметишь, как уже лежишь на земле, истекая кровью”.

“Да они дилетанты по сравнению с либерийцами. Эти вырывают у тебя сердце, пока ты еще жив, и съедают его”.

Эта игра стара как мир. Классификация по степени жестокости, хит-парад самых кровожадных народов.

“А как же албанцы? Им недостаточно замочить только тебя. Они позаботятся и о будущих поколениях. Они избавляются от всего. И навсегда”.

“Румыны надевают тебе на голову пакет, привязывают руки за запястья к шее и дают времени делать свое дело”.

“Хорваты гвоздями прибивают твои ступни к полу, и тебе остается только молиться, чтобы смерть наступила как можно скорее”.

Эскалация террора, садизма, кровожадности продолжается еще сколько-то времени и доходит до непереносимого списка отрядов спецназа: французский Иностранная легион, Испанская легион, бразильский батальон специальных полицейских операций БОПЕ.

Я сижу за круглым столом. Люди вокруг меня обмениваются свидетельствами и перечисляют культурные особенности народов, с которыми свели самое близкое знакомство в ходе миротворческих операций в их странах. Эта садистская и немного расистская игра – своего рода обряд, который, как и все обряды, необходим. Это единственный доступный им способ сказать друг другу, что худшее позади, что они справились, что с этого момента начинается настоящая жизнь. Лучшая жизнь.

Я молчу. Я, как антрополог, должен как можно меньше вмешиваться, чтобы обряд прошел без помех. Лица гостей серьезны. Когда кто-то из них начинает говорить, он не смотрит в лицо тому, кто сидит напротив, или тому, кто говорил перед ним. Каждый рассказывает свою историю так, будто разговаривает сам с собой в пустой комнате, пытаюсь убедить себя в том, что увиденное им – это абсолютное зло.

За все эти годы я слышал десятки таких классификаций – на собраниях, конгрессах, ужинах, над тарелкой пасты или в зале суда. Зачастую это были просто списки самых нечеловеческих проявлений жестокости, но по мере того

как эти эпизоды один за другим собирались в моей голове, начал проявляться некий общий знаменатель, некая культурная особенность, которая упрямо возвращалась раз за разом. В генетическом наследии разных народов жестокости отводилось почетное место. Если совершить ошибку и приписать проявления жестокости или поведение людей на войне целому народу, то создание подобных классификаций станет чем-то похожим на демонстрацию мускулов, появившихся на теле после бесконечных часов в спортзале. Но даже за мускулами, призванными произвести впечатление на соперников, стоит жесткая и структурированная подготовка. Нет никакой импровизации, все должно быть четко спланировано. Выучено. То, что делает тебя настоящим человеком, – это выучка. И разница именно в том, чему ты учишься.

Жестокости учатся. С ней не рождаются. И хотя человек может родиться с предрасположенностями или может вырасти в семье, которая оставит ему в наследство гнев и жестокость, жестокости все же учат и учатся. Жестокость – это то, что передается от учителя к ученику. Одного импульса недостаточно, его еще нужно направить и оттренировать. Тело приучают к тому, что нужно освободиться от души, даже если ты не веришь в ее существование, даже если думаешь, что душа – это религиозная чушь, сказочный дымок, даже если для тебя все, что есть, – это нервы, волокна, вены и молочная кислота. И все же что-то там есть. Иначе как ты назовешь этот внутренний тормоз, который в последний момент не дает тебе дойти до предела? Сознание. Душа. У него много имен, но как бы он ни назывался, ты можешь сжать и сломать его. Думать, что жестокость присуща человеческому существу, удобно; и именно этот довод приводят для очистки совести те, кто не хотел бы столкнуться с ней лицом к лицу.

Когда один солдат заканчивает свой рассказ, человек, сидящий рядом с ним, не ждет, пока слова произведут эффект, а начинает говорить сам. Обряд продолжается, и в этот раз мне точно так же кажется, что пусть они и не произносят этого вслух, они все согласны, что да, у некоторых народов этот импульс в крови, ничего не поделаешь, зло рождается вместе с нами. Солдат справа от меня ждет своей очереди с особенным нетерпением. Он ерзает на пластиковом стуле, отчего тот слегка поскрипывает, что, кажется, заметно только мне, так как никто из его коллег ни разу не поворачивает голову в нашу сторону. Ясно, что он не плохо дисциплинированный новичок: у него длинная борода – как у тех, кто может себе ее позволить; и по его петлицам понятно, что он побывал во многих опасных передрягах. Другая странность: он трясет головой. Более того – я, кажется, заметил легкую насмешливую улыбку. Эта деталь нарушает обряд, и теперь уже я не могу дождаться, когда подойдет его

очередь. Мне не приходится долго ждать, потому что на середине живописного описания того, как какие-то западные секретные службы вырывают людям ногти, человек справа от меня прерывает дискуссию.

“Вы ни хрена не поняли. Вы ничегошеньки не знаете. Вы только читаете истории из желтой прессы, только слушаете новости в восемь часов. Вы ничего не знаете”.

Потом он судорожно роется в кармане своих военных брюк и достает оттуда смартфон, нервно водит пальцами по сенсорному экрану, пока не появляется географическая карта. Он увеличивает ее, сдвигает, снова увеличивает и, наконец, показывает остальным маленький кусочек карты мира. “Вот, худшие здесь”. Его палец указывает на область в Центральной Америке. Обряд нарушен. Гватемала. Все в недоумении.

“Гватемала?”

Ветеран отвечает одним словом, которое многим из них неизвестно: “Каибили”.

Я встречал упоминания этого слова в показаниях еще 1970-х годов, но теперь его больше никто не помнит.

“Восемь недель, – сказал бородач, – восемь недель – и все, что есть человеческого в человеке, исчезает. Каибили придумали способ убить совесть. За два месяца из тела человека можно вынуть все, что отличает его от животного. Все, что позволяет ему различать злость, доброту, мягкость. Ты можешь взять святого Франциска и за восемь недель превратить его в убийцу, способного разрывать зубами животных, пить их мочу и избавляться от человеческих существ, невзирая на их возраст. Достаточно всего восьми недель, чтобы научиться вести бой на любой местности и в любых погодных условиях, научиться быстро передвигаться под огнем врага”.

Тишина. Я только что стал свидетелем ереси. Впервые был подвергнут сомнению признанный образец врожденного насилия. Я должен встретиться с каибилем. Я начал читать. И выяснил, что каибили – это элитное антиповстанческое подразделение гватемальской армии. Они появились в 1974 году, когда была основана военная школа, впоследствии ставшая центром подготовки и специальных операций “Каибиль”. Это произошло в годы гватемальской

гражданской войны, в которой силы правительства и военизированные отряды при поддержке США столкнулись сначала с неорганизованными партизанами, а после с повстанческой организацией “Национальное революционное единство Гватемалы”. Это была беспощадная война. В сети каибилей попадают студенты, рабочие, дипломированные специалисты, оппозиционные политики. Кто угодно. Деревни майя сравнивают с землей, крестьян зверски убивают, а их тела оставляют гнить под палящим солнцем. В 1996 году, после тридцати шести лет и более двухсот тысяч смертей, тридцати шести тысяч пропавших без вести и шестисот двадцати шести официально подтвержденных массовых убийств, гражданская война в Гватемале наконец завершилась подписанием мирных соглашений. По просьбе Соединенных Штатов первый президент послевоенного периода Альваро Арсу решил превратить армию, считавшуюся лучшим антиповстанческим подразделением в Латинской Америке, в эффективное средство борьбы с наркоторговлей. 1 октября 2003 года был официально создан специальный антитеррористический отряд – батальон специальных сил “Каибиль”.

По их собственному определению, каибилы – это “машины-убийцы”, для обучения которых устраиваются ужасающие испытания, ведь собственную ценность нужно постоянно доказывать – день за днем, кошмар за кошмаром. Выпить кровь животного, которого ты только что убил и останки которого только что съел сырыми, – вот что придает сил любому каибилу. Их деятельностью уже давно заинтересовалась гватемальская Комиссия по разъяснению исторических вопросов[34 - Комиссия по разъяснению исторических вопросов (Comision para el esclarecimiento historico) была учреждена в рамках мирного урегулирования после окончания гражданской войны в Гватемале (1960–1996) для расследования преступлений, совершенных обеими сторонами во время конфликта.], выпустившая документ под названием “Память молчания”. В этом документе отмечено, что 93 % преступлений, зафиксированных в Гватемале за тридцать шесть лет войны, было совершено силами правопорядка и военизированными группировками, в частности Гражданскими патрулями самозащиты и каибилками. Согласно этому докладу, в течение всего вооруженного конфликта подразделение каибилей также совершало акты геноцида.

Среди самых бесчеловечных расправ упоминается бойня в Дос-Эррес, деревне в департаменте Петей, которую в течение двух дней, с 6 по 8 декабря 1982 года, сровняли с землей, а жителей убили. 6 декабря сорок каибилей вошли в деревню, чтобы вернуть себе девятнадцать винтовок, потерянных до этого при столкновении с партизанами, устроившими им засаду. Они не пожалели никого:

убивали мужчин, женщин и детей, насиловали девочек, избивали прикладами беременных женщин и прыгали им на животы, провоцируя выкидыши и преждевременные роды; бросали еще живых младенцев в колодцы или приканчивали их дубиной, некоторых даже хоронили заживо. Самых маленьких убивали ударами о стены или деревья. Тела бросали в колодцы или оставляли в поле. Насчитывают около двухсот пятидесяти убитых, даже притом, что официально зафиксировано всего двести десять; шестидесяти жертвам не было и семи лет. Прежде чем уйти из деревни, солдаты взяли с собой двух девочек – шестнадцати и четырнадцати лет, которых помиловали и переодели в военных. Они водили их с собой три дня, в течение которых многократно насиловали. Когда они окончательно измучались, девочек задушили.

Повстречать каибиля несложно: их гордость слишком сильна. С тех пор как я услышал речь того солдата, я не мог успокоиться. Я поверил. Поверил в то, что мне удастся повстречаться с бойцом-кайбилем. Мне указали на одного прислужника, который работает в доме каких-то миланских предпринимателей. Он вежлив; он назначает мне время, и мы встречаемся на улице.

Он рассказывает мне, что он – бывший журналист, носит с собой ксерокопии нескольких своих статей. Он время от времени перечитывает их, а может – просто хранит в качестве свидетельства о своей прошлой жизни. Он знаком с одним кайбилем. И не хочет больше ничего говорить.

“Я с ним знаком. Бывших кайбилей не бывает, но этот делал нехорошие вещи”.

Он не хочет уточнять, что это за нехорошие вещи.

“Ты не поверишь ничему из того, что он тебе скажет, даже я в это не верю, потому что, если то, что он говорит, правда, я не смогу спокойно спать...”

Потом подмигивает мне: “Я знаю, что это правда, но надеюсь, что не до такой степени”.

Он дает мне номер телефона. Я прощаюсь с прислужником-журналистом и набираю номер. Мне отвечает ледяной голос, который, впрочем, говорит, что мой интерес ему льстит. Он также назначает мне встречу в общественном месте. Появляется Анхель Мигель. Маленький, с глазами индейца майя, одетый

элегантно, как если бы ему пришлось выступать перед камерой. У меня с собой только блокнот, и ему это не нравится. Но он решает не уходить. Ледяной телефонный голос уступает место душевному разговору. В течение нашего общения он не сводит с меня глаз и не делает ни одного лишнего жеста.

“Я рад, что ты педик”, – начинает он.

“Я не педик”.

“Не может быть, у меня есть доказательство. Ты педик, но не надо этого стесняться”.

“Будь я геем, я бы не стеснялся, уж поверь. Но о чем это мы?”

“Ты педик, ты ничего не заметил... это...”

Он поворачивает шею на несколько градусов вправо, не переставая смотреть мне в глаза, и в эту секунду, как будто бы отвечая на отеческий призыв, какая-то девушка делает шаг вперед. Я и правда ее не заметил. Я смотрел только на каибиля.

“Если ты не заметил ее, то ты педик”.

Очень светлая блондинка; платье облегает ее тело, как вторая кожа; она балансирует на высоченных каблуках. И несмотря на все это, ни следа косметики; возможно, она решила, что светлых глаз, окаймленных золотыми ресницами, будет достаточно, чтобы привлечь внимание к ее лицу. Это его невеста. Она представляется. Она итальянка и крайне рада быть рядом с тем, кого, похоже, принимает за героя войны.

“Ты должен стать куасом. Не став куасом, ты никогда не поймешь, что означает настоящее братство на войне”.

Анхель Мигель, как я понял, не любит терять время. Он заявил, что я гомосексуалист, а потом представил мне свою девушку. С него хватит, теперь он может и начинать рассказ. Я где-то читал, что на языке кекчи[35 - Язык кекчи относится к майянской семье, в основном распространен на севере Гватемалы,

преимущественно в департаментах Петен и Альта-Верапас (где это фактически единственный язык общения), то есть как раз в областях, наиболее пострадавших в ходе гватемальской гражданской войны.].cuas и значит “брат”. Но теперь я понимаю, что это слово описывает не биологическое родство. “Куас” – это не брат с рождения, это брат, которого выбирают для тебя.

“Однажды – это было во время подготовки – я попросил каибилей оставить мне немного еды. Мой куас стал бледнее смерти. Каибили побросали свою еду на землю и начали ее топтать. Потом они связали нас и сказали: «Клюйте, курицы». Если мы слишком сильно вытягивали языки, нам отвечали пинками и криками: «Да не щипайте, а клюйте, курицы!»”

“При подготовке, если один из двух куасов ошибается, наказывают обоих. Если один из двоих все делает правильно, оба получают много еды и постель. Они как жених с невестой. Как-то мы с моим куасом были в палатке, и ночью мой «брат» стал трогать меня за член... Сначала меня это выбесило, а потом я понял, что мы должны были пройти все... разделять одиночество, удовольствие... Но ничего не произошло, он меня только трогал”.

Он говорит почти без пауз, будто должен за самое короткое время произнести приготовленную заранее речь. Его невеста гордо кивает. Золотистые пушинки вокруг ее глаз светятся все ярче. Я хотел было прервать его и заметить, что пару минут назад он называл меня педиком, но решил, что лучше в этот поток сознания не вмешиваться.

“Там ты понимаешь, что такое брат-боец. Вы делите паек, держитесь рядом, когда холодно, позволяете избивать себя до крови, чтобы нервы были в тонусе”.

Перестать быть человеком, избавиться от его слащавых достоинств, его недостатков. Стать кабилем. Жить и ненавидеть.

“На входе в центр подготовки каибилей в Поптуне, что в департаменте Петей, есть надпись: «Добро пожаловать в ад». Но я думаю, что мало кто может прочесть другую, скрытую надпись: «Если я иду вперед, иди за мной. Если остановлюсь, подтолкни меня. Если буду отступать – убей меня»”[36 - Официальный девиз каибилей – парафраз известного приказа Анри де Ларошжаклена (1772–1794), одного из предводителей Вандейского мятежа во время Французской революции.].

У моего источника фигура не как у Рембо, но, несмотря на это, он с уверенностью выкладывает все об иностранных преподавателях, которые с 1980-х годов приложили руку к выучке молодых каибилей: зеленые береты[37 - Силы специального назначения армии США.], рейнджеры[38 - Элитные десантные подразделения армии США.] – ветераны Вьетнама, перуанские и чилийские коммандос. Во время гражданской войны в Гватемале обезглавливание во время расправ считалось их визитной карточкой, пусть некоторые и уверены в том, что это только легенда, как и их военная песня: “Каибиль, каибиль, каибиль! Убей, убей, убей! Кого убивает каибиль? Повстанца-партизана! Что ест каибиль? Повстанца-партизана!”

“Первая фаза подготовки длится двадцать один день, – продолжает Анхель Мигель, – после нее наступает вторая, на двадцать восемь дней. В джунглях. Реки, болота, минные поля – это дом для каибилей. И так же как ты любишь свой дом, каибиль любит свой. Наконец, последняя неделя. Последний этап, чтобы стать настоящим каибилем. Ты учишься питаться тем, что есть, тем, что найдешь. Тараканами, змеями. Учишься завоевывать вражескую территорию, присваивать ее себе, уничтожать врага”.

“Чтобы довести курс до конца, нужно провести два дня без сна в реке, где воды тебе по шею. Нам с моим куасом доверили щенка, дворнягу с влажными глазами. Нам поручили заботиться о нем. Это должно было стать частью наших братских отношений. Мы должны были брать его с собой повсюду и кормить. Мы придумали ему имя и привыкли к этому щенку, когда наш командир сказал, что мы должны убить его. По одному удару каждый, ножом в живот. Мы были уже в конце обучения и не стали особенно задаваться вопросами. Командир сказал нам, что теперь мы должны съесть его и выпить его кровь – так мы покажем свою отвагу. Мы подчинились и этому приказу, это было нечто само собой разумеющееся”.

“Каибиль знает: чтобы выжить, не нужно пить, есть или спать. Нужна хорошая винтовка и патроны. Мы были солдатами, идеальными солдатами. Мы сражались не по приказу, этого было бы недостаточно. Мы были частью чего-то важного. Это намного сильнее любого принуждения. Только треть из нас дошла до конца. Остальные сбежали, или же их выгнали. Другие заболели или умерли”.

Мир каибилей – в первую очередь мир символический. Страх, ужас, братство, согласие между куасами – все это может и должно быть выставлено напоказ через искусную игру знаков и намеков, через изобретение акронимов. Начиная с

того же слова suas: C – cameratismo, то есть “товарищество”, U – unione, “единство”, A – appoggio, “поддержка”, S – sicurezza, “надежность”. Или же с фразы, которая выражает всю философию каибилей и звучит так: “Каибиль – машина-убийца, необходимая тогда, когда внешние силы или доктрины покушаются на родину или армию”. Никогда и ни по какой причине каибиль не должен расставаться со своим красным беретом, на котором красуется эмблема подразделения: альпинистский карабин, обозначающий единство и силу, внутри которого расположен кинжал (символ чести) с пятью выемками для пальцев на рукоятке – по числу чувств – и надпись “KAIBIL” заглавными желтыми буквами. На языке племени мамов “каибиль” означает “тот, кто обладает силой и хитростью двух тигров”. Это слово происходит от имени великого Каибилля Балама, короля мамов, который отважно сражался с испанскими конкистадорами в XVI веке, и в частности с войсками Гонсало де Альварадо. И именно эти боевые части, что с гордостью носили имя, бывшее символом военного противостояния майя конкистадорам, превратились в инструмент истребления их собственного народа. Извращая смысл легенды, сейчас это имя стало обозначением жестокости и террора.

“По прошествии восьми недель устраивается ужин. Огромные дымящиеся решетки грилей; огонь постоянно поддерживается, и в течение всей ночи на плиты бросают новые порции вырезки крокодила, игуаны и оленя. Есть также обычай силой захватить гватемальского министра обороны и кинуть его в заводь с крокодилами (даже если они за несколько километров оттуда: люди из правительства те еще трусы!). После этого ужина ты можешь носить эмблему каибилей. Кинжал красуется на черно-голубом фоне. Голубой – это день, каибилли сражаются и на воде, и на небе. Черный – это тишина ночных вылазок. По диагонали проходит веревка – операции на суше. И, наконец, из кинжала вырывается огонь, который горит вечно. Это – свобода”.

Неподвижность Анхеля Мигеля внезапно прервал резкий жест. Он поднял руку и вытянул пальцы.

“Обоняние. Слух. Осязание. Зрение. Вкус”.

Пять чувств, которые идеальный каибиль должен развить и всегда держать наготове, чтобы выжить. И чтобы убивать.

“Единство и сила”.

Я смотрю на него. Он больше не каибиль, но у него в глазах все еще есть эта пустота. Повстречав каибилья, ты встречаешь не просто боевую машину. Имея дело с каибилем, ты имеешь дело с отсутствием. Это пугает больше всего. Хотя он едва дотягивает до метра шестидесяти пяти, Анхель Мигель смотрит на меня сверху вниз. Рассказ о подготовке и братстве оживил его гордость, и теперь она ясно читается во всем, подавляя меня и его девушку. У меня есть вопрос, и, возможно, настало время задать его, сейчас, когда мой собеседник чувствует себя столь неуязвимым.

“Что ты можешь рассказать о связях каибилей с наркоторговлей?”

“Международная амнистия” впервые отметила этот феномен в 2003 году в докладе, сообщавшем о нескольких десятках случаев участия военных и полицейских в наркоторговле – и это помимо таких преступлений, как угоны автомобилей, торговля детьми для нелегального усыновления и операций по “общественной чистке”. Все в том же 2003 году Вашингтон включил Гватемалу в список стран, недостаточно борющихся с наркотиками, так как в период с 2000 по 2002 год гватемальское правительство конфисковало в пять раз меньше кокаина, чем за предыдущие три года.

Если Анхель Мигель и почувствовал удар, он не подает виду. Я пытаюсь понять реакцию его девушки, но она все так же неподвижна, если не считать едва заметного переноса веса с одного каблука на другой. Я убеждаюсь в том, что она тоже должна была пройти курс подготовки, прежде чем начать с ним встречаться. Наконец Анхель Мигель открывает рот: “Единство и сила”, – повторяет он и снова замолкает. Мантры каибилей для него достаточно; я спрашиваю себя, не означает ли его обращение к этим словам, что мой вопрос открыл какую-то брешь. Я пытаюсь это понять.

“Правда ли, что некоторые бывшие бойцы сделали карьеру в мексиканских картелях?”

В последние годы мексиканские власти отмечают увеличение числа бывших каибилей и гватемальских военных, завербованных в местные криминальные организации. Последним использование бывших военных крайне выгодно, поскольку они получают на службу уже подготовленную молодежь, имеющую опыт, и могут не тратить время и деньги на их обучение. Бывший каибиль может оказаться полезным для картелей, так как отлично владеет оружием и привык нести службу в горах и в лесах. Бывший каибиль может выжить в очень тяжелых

условиях и знает, как передвигаться и в Петене, на севере Гватемалы, и на юге Мексики – двух областях со схожими климатическими условиями. Ситуация вызывает еще большие опасения из-за демобилизации гватемальской армии, которая в последние годы уменьшилась с тридцати тысяч человек до пятнадцати. Многие солдаты вышли в отставку, получив компенсацию, но при этом остались без работы. Некоторые из них пошли на службу в частные военные компании и отправились за границу, например в Ирак, в качестве наемных солдат. А другие в конце концов влились в преступные ячейки.

Что-то зашевелилось. Анхель Мигель потирает большой палец указательным, как будто скручивает невидимую сигарету. В уголках его глаз появляются тонкие морщинки, которых я до этого не замечал. Его девушка тоже больше не кажется высеченной из одного куска камня. Она оглядывается и нервно морщит губы.

Своими вопросами я перевернул с ног на голову властные отношения, которые каждый каибиль должен поддерживать со своими подчиненными. Ведь вот я кто для Анхеля Мигеля: подчиненный, который обязан внимать словам старшего по званию и вдохновляться ими. Прежде чем назначить встречу и попрощаться со мной, Анхель Мигель озвучил мне по телефону список принципов, которые я изначально принял за чистейшую пропаганду, но сейчас его демонстративное сдержанное молчание дает мне понять, что то были правила и я не смог их соблюсти. Каибиль должен “заручиться уважением своих подчиненных, определять направление их усилий, прояснять цели, давать ощущение надежности, создавать единство между отрядами, быть образцом выдержки в любой момент, поддерживать в людях надежду, жертвовать собой ради победы”. Двумя простыми вопросами о прошлом и настоящем каибилей я не дал ему обработать и меня.

Жестокости учатся. Теперь я точно это знаю. Анхель Мигель перестал скручивать свою невидимую сигарету, и даже маленькие морщинки в уголках глаз разошлись и уступили место обычной гладкой коже с янтарным оттенком. Его обучение злу сгладило неровности от моих вопросов и вернуло ему уверенную принадлежность к братству по крови и по смерти.

Анхель Мигель заронил в мою душу неудовлетворенное желание. Он рассказал мне о жестокости, описал процесс обучения насилию, снабдив повествование жуткими историями из жизни. И все же он ограничился тем, что сыграл лишь одну роль – бойца на пенсии, копающегося в прошлом и вспоминающего золотые времена своей подготовки. Но этого недостаточно. Я хочу запустить руки в эту жестокость, докопаться до места, где больше всего, и потом посмотреть, что прилипнет к моим пальцам. Потому что если зверству и правда можно научить и научиться, я должен увидеть это в действии. Понять, как это работает и насколько это действенно. Я хочу вернуться туда, где жестокость пустила корни и проросла, где она столкнулась с определенным набором условий, превратившим ее в инструмент власти. Я хочу вернуться в Мексику. К Осиелю Карденасу Гильену, главе картеля “Гольфо”.

Осиель знаменит, так как не допускает ошибок и не прощает тех, кто ошибается. Но в конце концов он тоже поступает неверно – и с неверными людьми. На дворе ноябрь 1999 года. Агент УБН Джо Дюбуа и его коллега из ФБР Даниэль Фуэнтес сидят в “форде бронко” с дипломатическими номерами; на заднем сидении, упершись лбом в стекло, спит информатор из картеля “Гольфо”. Он возил агентов по округе и показывал им дома и заведения, принадлежащие боссам картеля “Гольфо” в Матаморосе. Вместе они прочесывали район. Он не проснулся даже тогда, когда “форд бронко” резко затормозил и снаружи слышались чересчур знакомые голоса. “Эй, гринго, это наш человек!” Машину окружили несколько других автомобилей, из которых появилась дюжина членов картеля с наставленными на агентов “Калашниковыми”. Затем из своего “джипа чероки” вышел Осиель; он подошел к окошку машины, за которым сидел один из агентов, и наставил ему в лицо пистолет. Тогда американцы раскрывают себя и достают значки. Но Осиелю наплевать, кто они. Он впервые так подставляется, зная, что идет на риск, но у него нет выбора – информатор не должен заговорить. Время замирает, действующие лица бросают друг другу вызов, но особо не демонстрируют свою силу. Все понимают: одно неверное движение, и это подобие переговоров может превратиться в кровавую бойню. Агент ФБР пытается вступить в диалог: “Если ты не отпустишь нас, правительство США будет преследовать тебя до гробовой доски”. Осиель сдается, бросает в лицо американцам, что это его территория, что они не могут его контролировать и чтобы они больше тут не появлялись; потом приказывает своим людям отступить. Агент ФБР и агент УБН вздыхают с облегчением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24719592&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Жители латиноамериканского происхождения в США.

2

Элитное армейское подразделение, созданное для борьбы с повстанцами во время гражданской войны в Гватемале.

3

Одна из улиц в “Маленькой Италии” в Бронксе, Нью-Йорк.

4

“Рискнешь всем – получишь все” (англ.).

5

“Не думай, что друг всегда останется другом” (англ.).

6

L’Onorata Societ? (ит.) – один из терминов, которыми называют мафию ее члены.

7

“Все, что ты видишь, может стать твоим” (англ.).

8

“У тебя есть немного денег” (англ.).

9

“Тебя будут искать. Они придут за твоей семьей, к твоим союзникам” (англ.).

10

Штат на севере Мексики, оплот одного из самых могущественных наркокартелей мира.

11

То есть на большей части тихоокеанского побережья Мексики, до самой границы с США.

12

Один из пограничных штатов на севере Мексики.

13

Словом *bufalo* в испанском обозначается буйвол и бизон.

14

Главы отдельных кланов, фактически управлявшие Японией с 1192 по 1868 г. при формальном сохранении власти императора.

15

Горная цепь, идущая вдоль западного побережья Мексики.

16

Пограничный город, отделяемый рекой Рио-Гранде от города Ларедо в США.

17

Крупнейший производитель малых самолетов.

18

Оркестр “Лос Кадетес де Линарес” и певец Рамон Айала прославились исполнением корридос, традиционных для севера Мексики баллад, которые остаются любимой музыкой организованной преступности – существует даже отдельная их разновидность, воспевающая жизнь торговцев наркотиками (так называемые наркокорридос).

19

Победа, доставшаяся слишком дорогой ценой и равносильная поражению. Выражение восходит к рассказу Плутарха о сражении эпирского царя Пирра с римлянами, после которого тот заявил: “Еще одна такая победа, и я останусь без войска”.

20

Рио-Браво (также Рио-Браво-дель-Норте) – мексиканское название реки Рио-Гранде, по которой проходит часть границы Мексики и США.

21

Обиходное название сборочных предприятий, расположенных в мексиканских свободных экономических зонах и использующих более дешевую, по сравнению с США, рабочую силу и отсутствие жесткого контроля условий труда. Как правило, принадлежат американским компаниям, которые ввозят беспошлинно сырье и компоненты, а затем экспортируют готовую продукцию в США.

22

Национальный герой Мексики, предводитель восставших крестьян штата Морелос, одна из ключевых фигур революции против диктатуры Порфирио Диаса и гражданской войны 1910–1919 гг.

23

Парафраз Книги Екклесиаста: “Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву” (Екк 9:4).

24

Tierra Caliente (исп.) – “Горячая земля”, населенная в основном индейцами труднодоступная область с жарким сухим климатом на стыке штатов Герреро, Мичоакан и Мехико.

25

Президент Мексики в 2006–2012 гг., с начала своего правления объявивший войну наркокартелям.

26

Трижды повторенное “Да здравствует Мексика” – последние слова прокламации, с которой обращается к народу в 11 часов вечера 15 сентября каждого года высшее должностное лицо (президент в Мехико, губернатор – в столице штата, мэр – во всех других городах) с балкона дворца или мэрии. С этой церемонии, которая в символическом виде воспроизводит начало мятежа против испанских властей в городке Долорес (1810), начинается празднование Дня независимости Мексики.

27

Протестное движение, созданное 28 марта 2011 года в ответ на события мексиканской нарковойны, а также выступающее против коррупции, растущего экономического неравенства и бедности.

28

Один из основателей социальной сети Facebook, стал миллиардером в возрасте 23 лет.

29

Колтан, колумбит-танталит – руда ниобия и тантала, используемого в изготовлении всех электронных устройств.

30

Побережье на севере Сардинии, облюбованное самыми богатыми людьми мира.

31

Сленговое название процесса разбавления наркотиков примесями.

32

Настольная игра, для победы в которой игрок должен захватить максимум территорий или континентов.

33

Джозеф Доминик Пистоне – специальный агент ФБР, сицилиец по происхождению, под псевдонимом Донни Браско в 1976–1982 гг. внедрившийся в клан Бонанно и в клан Коломбо – две из пяти семей итало-американской мафии, “контролировавших” Нью-Йорк.

34

Комиссия по разъяснению исторических вопросов (Comision para el esclarecimiento historico) была учреждена в рамках мирного урегулирования после окончания гражданской войны в Гватемале (1960–1996) для расследования преступлений, совершенных обеими сторонами во время конфликта.

35

Язык кекчи относится к майянской семье, в основном распространен на севере Гватемалы, преимущественно в департаментах Петен и Альта-Верапас (где это фактически единственный язык общения), то есть как раз в областях, наиболее пострадавших в ходе гватемальской гражданской войны.

36

Официальный девиз кабилей – парафраз известного приказа Анри де Ларошжаклена (1772–1794), одного из предводителей Вандейского мятежа во время Французской революции.

37

Силы специального назначения армии США.

38

Элитные десантные подразделения армии США.

Купить: <https://telnovel.com/roberto-savyano/nol-nol-nol-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)